

"ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКИЙ" ФАНТОМ

Чудище обло, озорно,
огромно, стозевно и лайяй,

В.К. Третьяковский "Тилемахида"

За пятьдесят с лишним лет "после Лукина" советская историография Французской революции претерпела немалые изменения: труды ее последних мэтров А.З. Манфреда, В.М. Далина, В.Г. Ревуненкова заметно отличаются от произведений ее "отца-основателя" и по объему привлеченного фактического материала, и по технике работы авторов с источниками, и по концептуальному решению отдельных проблем революционной истории. Однако произошедшие за эти полвека перемены никоим образом не затрагивали той социологической схемы, что составляла несущую конструкцию всей советской или, как ее еще определяли, "марксистско-ленинской" интерпретации Французской революции. Согласно этой схеме, события во Франции конца XVIII в. представляли собой "буржуазную революцию", разрушившую "феодально-абсолютистский строй" и открывшую путь для развития капитализма. Сколь бы острые споры ни приходилось вести советским ученым по различным аспектам истории Французской революции, никогда эта концептуальная основа марксистской интерпретации не становилась предметом обсуждения.

Взять, к примеру, дискуссию 60–70-х годов XX в. о классовом содержании якобинской диктатуры, получившую широчайший резонанс в нашем научном сообществе¹. Тон, в котором вели полемику участвовавшие в ней с одной стороны А.З. Манфред и В.М. Далин, с другой — ленинградский профессор В.Г. Ревуненков, отличался жесткостью и нетерпимостью. Тем не менее высказывавшиеся оппонентами и до дискуссии, и во время нее, и после оценки общесторического значения Французской революции совпадали едва ли не дословно, полностью укладываясь в рамки схемы "феодально-абсолютистский строй — буржуазная революция — капитализм".

А.З. Манфред: «Французская революция сокрушила феодально-абсолютистский строй, до конца добила феодализм, "исполни-

¹ Ревуненков В.Г. Марксизм и проблемы якобинской диктатуры: Историко-графический очерк. Л., 1966; Манфред А.З. О природе якобинской власти // ВИ. 1969. № 5; Проблемы якобинской диктатуры: Симпозиум в секторе истории Франции Ин-та всеобщей истории АН СССР 20–21 мая 1970 г. // ФЕ 1970. М., 1972. Подробнее об этой полемике см.: Летчфорд С.Е. В.Г. Ревуненков против "московской школы": дискуссия о якобинской диктатуре // ФЕ. 2002. М., 2002.

ской метлой" вымела из Франции хлам средневековья и расчисти-
ла почву для капиталистического развития»².

В.Г. Ревуненков: "Эта революция смела отжившие средневеко-
вые порядки не только в самой Франции, но и далеко за ее рубежа-
ми, дав тем самым мощный импульс формированию новой соци-
ально-экономической системы — системы капитализма и буржу-
азной демократии..."³

Идеологические истоки подобной схемы вполне очевидны и не
требуют специального комментария: это прямая экстраполяция на
новую историю Франции марксистского учения об общественно-
экономических формациях. Однако в какой степени эта теорети-
ческая конструкция соответствует историческим реалиям Фран-
ции конца XVIII в. и объясняет происходившие там события? Что-
бы ответить на данный вопрос, рассмотрим, насколько отдельные
сегменты указанной схемы согласуются с результатами историче-
ских исследований по соответствующим конкретным проблемам.

В этой главе речь пойдет о "феодално-абсолютистском строе".

* * *

Понятие "феодално-абсолютистский строй" имеет чисто со-
ветское происхождение и в историографиях других стран (за пре-
делами социалистического лагеря) не применялось. В мировой
исторической литературе, в частности в работах представителей
"русской школы", для обозначения общественно-политических
порядков предреволюционной Франции использовалось достаточ-
но гибкое и не слишком обязывающее понятие "Старый порядок".
Однако, когда в 1934 г. в СССР началась вторая за время существо-
вания советской власти радикальная перестройка системы исто-
рического образования, от этого термина было приказано отка-
заться. Причем директива исходила с самого "верха". В "Замеча-
ниях о конспекте учебника по новой истории", подписанных
И.В. Сталиным, С.М. Кировым и А.А. Ждановым, говорилось: «Хо-
рошо было бы освободить конспект от старых затасканных выра-
жений вроде "старый порядок" ... Лучше было бы заменить их сло-
вами "докапиталистический порядок" или, еще лучше, "абсолюти-
стско-феодалный порядок"..."⁴ Рекомендация столь высокого
уровня, естественно, носила императивный характер, а потому
предложенный коммунистическими вождями термин (правда, в
несколько более благозвучном варианте — "феодално-абсолюти-
стский строй") полностью вытеснил "Старый порядок".

² Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 206.

³ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции,
1789 — 1814 гг. 3-е изд. доп. СПб., 1996. С. 505.

⁴ К изучению истории: Сборник. М., 1937. С. 27.

Новое понятие настолько прижилось в нашей историографии, что употреблялось и после того, как предписывавший его идеологический документ утратил свое директивное значение. Так, А.З. Манфред в своем обобщающем труде по истории Французской революции, вышедшем в 1956 г., а затем переизданном в 1983 г., определял ее причины следующим образом:

"Феодално-абсолютистский строй изжил себя, перестал соответствовать социально-экономическому развитию страны и превратился в путы, сковывающие развитие производительных сил, препятствующие их росту"⁵.

И даже на рубеже XX – XXI вв. последний из мэтров советской историографии Французской революции В.Г. Ревуненков (1911 – 2004) продолжал применять данное понятие для обобщающей характеристики экономических и политических порядков предреволюционной Франции⁶. Встречается оно и в некоторых выходящих в наши дни научно-популярных изданиях⁷.

Как нетрудно заметить, прилагательное "феодално-абсолютистский" является производным от двух вполне самостоятельных терминов "феодализм" и "абсолютизм", каждый из которых имеет свое значение или, точнее будет сказать во множественном числе, свои значения и свою судьбу в историографии. Причем и то, и другое у них настолько различны, что созданное механическим объединением этих двух терминов понятие вполне может вызвать ассоциацию с неким мифическим существом, вроде минотавра, сочетающим в себе совершенно разные сущности.

Одна из частей этого составного понятия – "абсолютизм" – термин вполне конкретный, имеющий более или менее устоявшееся значение: историки разных стран и разных школ обычно используют его для обозначения того типа монархии, который получил распространение в большинстве западноевропейских стран раннего нового времени, прежде всего во Франции. Существовали, правда, как мы далее увидим, и различного рода расширительные толкования абсолютизма, но их авторы все равно исходили из того, что его классическим образцом был все же именно французский. Напротив, вторая часть дуалистического понятия – термин "феодализм", несмотря на более чем двухсотлетнюю историю применения, никогда не имел единого значения, что позволяло историкам разных школ вкладывать в него самые разные, порою весьма далекие друг от друга смыслы:

⁵ Манфред А.З. Великая французская революция. С. 14.

⁶ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. 1789 – 1799. 2-е изд. Л., 1989. С. 38; Он же. Очерки по истории Великой французской революции, 1789 – 1814. 1996. С. 44; Он же. История Французской революции. СПб., 2003. С. 41.

⁷ См., например: Всемирная история. Т. 16. Европа под влиянием Франции. М.; Минск, 2000. С. 7.

«Понятие "феодализм" в средневековую эпоху не употреблялось... Термин был введен публицистами и мыслителями предреволюционной Франции XVIII в. для характеристики "старого порядка", т.е. системы господства дворянства, церкви и монархии... Однако со временем понятие "феодализм", утратив полемическую направленность, было внедрено в историческое сознание. Историческая наука XIX в. трактовала феодализм по-разному: как состояние политической раздробленности, как социально-юридический сословный порядок, как специфическую форму военной организации сеньйоров и вассалов, основанную на личной верности и службе, как господство крупного привилегированного землевладения, наконец, как общественно-экономическую формацию, базирующуюся на эксплуатации крупными землевладельцами зависимых от них крестьян»⁸.

В отечественной историографии феодализм также интерпретировался по-разному. Например, Н.И. Кареев, говоря о "феодализме", имел в виду общественный строй, основанный на привилегиях⁹. Марксистская же наука придавала данному понятию гораздо более широкое значение, трактуя феодализм как "классово-антагонистическую формацию, представляющую — во всемирно-историческом развитии — этап, стадияльно следующий за рабовладельческим строем и предшествующий капитализму"¹⁰. Определяющим признаком феодального строя советские историки считали производственные отношения с такими характеристиками:

«Во-первых, наличие феодальной собственности, выступающей как монополия господствующего класса (феодалов) на основное средство производства — землю...; при этом собственность на землю была неразрывно связана с господством над непосредственными производителями — крестьянами... Во-вторых, наличие у крестьянина самостоятельного хозяйства, ведущегося на формально "уступленном" ему господином наделе, который фактически находился в наследственном пользовании одной и той же возделывавшей его крестьянской семьи. Не располагая правом собственности на землю, такая семья являлась собственником своих орудий труда, рабочего скота и другой движимости. Из отношений феодальной собственности вытекало "право" феодала на безвозмездное присвоение прибавочного продукта крестьянского труда, т.е. право на феодальную земельную ренту, выступавшую в виде барщины, натурального или денежного оброка. Т.о., феодальный способ производства основан на сочетании крупной земельной

⁸ Гуревич А.Я. Предисловие // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 8.

⁹ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. 3-е изд. СПб., 1904. С. 19–20.

¹⁰ Барг М.А., Никифоров В.Н. Феодализм // Большая советская энциклопедия.

собственности класса феодалов и мелкого индивидуального хозяйства непосредственных производителей – крестьян, эксплуатируемых с помощью внеэкономического принуждения (последнее столь же характерно для Ф., как экономическое принуждение для капитализма)»¹¹.

Подчеркну, подобное понимание феодализма было характерно именно для советских историков. В зарубежной историографии описанный выше тип поземельных отношений определяется термином "сеньориальный режим", а в категорию "феодализм" вкладывают преимущественно юридический смысл, обозначая ею комплекс правовых связей между сюзеренами и вассалами. Французский исследователь Ю. Метивье, в частности, так писал об указанном различии трактовок: «Советские экономисты и историки вплоть до конца XX в. обозначали термином "феодалный" как раз сеньориальный режим, тогда как такой режим отлично мог существовать и без настоящего "феодализма"»¹².

Впрочем, мы не будем подробно останавливаться на различиях в интерпретации определения "феодалный", а коснемся более частного вопроса: можно ли его использовать, хотя бы только в марксистском понимании этого слова, для характеристики социально-экономического строя предреволюционной Франции?

Сомнения в правомерности применения данного термина по отношению к французской экономике XVIII в. возникли давно: их высказывали даже некоторые представители "школы Лукина" еще в советскую эпоху. Так, в самом начале 80-х годов В.М. Далин, готовя в качестве ответственного редактора к печати посмертное издание "Великой французской революции" А.З. Манфреда, "споткнулся" на следующей фразе своего коллеги и друга: "В целом во французском сельском хозяйстве конца XVIII в. все еще господствовали старые, средневековые, *феодалные* (курсив мой. — А.Ч.) отношения в их самой грубой и дикой форме..."¹³ Хорошо знакомый с новейшими достижениями мировой историографии, В.М. Далин уже явно не мог согласиться с подобной категоричностью утверждения, сделанного четверть века ранее, и заменил в процитированной фразе выделенное нами слово на "полуфеодалные"¹⁴. Разумеется, подобный паллиатив радикально не менял всей концепции, но сама попытка внести в нее коррективы свидетельствовала о том, что даже такой видный представитель старшего поколения советских историков-марксистов, как В.М. Далин, в последние годы жизни уже не мог безоговороч-

¹¹ Там же.

¹² Метивье Ю. Франция в XVI – XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV. [1982]. М., 2005. С. 25.

¹³ Манфред А.З. Великая французская буржуазная революция. М., 1956. С. 8.

¹⁴ Манфред А.З. Великая французская революция. С. 17.

но принять утверждение о "феодалном" характере французской экономики накануне Революции.

А.В. Адо упомянула об этом, возможно, несколько курьезном, но весьма показательном случае, во время уже упомянувшегося выше "круглого стола" 1988 г.¹⁵ Его же собственное выступление, во многом задавшее тон дискуссии, как раз и было посвящено критике "упрощенного, "линейного" понимания исторического места Французской революции в процессе межформационного перехода: в 1789 г. — господство феодализма и феодального дворянства, в 1799 г. — господство капитализма и капиталистической буржуазии", содержавшегося в работах не только отечественных, но и зарубежных историков-марксистов, в частности немца М. Коссока и француза М. Вовеля.

Еще более определенно в ходе той же дискуссии высказалась ученица А.В. Адо — Л.А. Пименова: «Что же было феодальным во Франции XVIII в.? Какую из сторон жизни мы ни возьмем для рассмотрения, везде картина будет неоднозначной и не уместится в рамки определения "феодальный строй". Экономика была многоукладной, государство и общество также представляли собой сложное переплетение разнородных элементов»¹⁶.

Действительно, результаты появившихся незадолго до того исследований, в том числе самих А.В. Адо и Л.А. Пименовой, давали достаточно веские основания сомневаться в правомерности прежних, традиционных для советской историографии представлений об экономике Старого порядка. Хотя элементы комплекса сеньориальных отношений существовали во Франции вплоть до самой Революции, а отчасти пережили и ее, они в XVIII в. уже никоим образом не играли определяющей роли. Даже в областях с архаичной структурой хозяйства доля сеньориальных повинностей в доходах сеньоров-землевладельцев редко превышала 40%¹⁷. В экономически же развитых районах она была и того меньше. Так, во владениях принца Конде в Парижском регионе повинности давали лишь 13% дохода, а в 12 сеньориях графа де Тессе, крупнейшего собственника Верхнего Мэна, — 10,8%¹⁸. Основная же масса по-

¹⁵ Адо А.В. О месте Французской революции конца XVIII в. в процессе перехода от феодализма к капитализму во Франции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 18, примеч. 4. См. также: Адо А.В. Место Французской революции в процессе перехода страны от феодализма к капитализму // ИНИИ. 1989. № 3. С. 19, примеч. 9.

¹⁶ Пименова Л.А. О некоторых спорных вопросах истории Старого порядка и революции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. С. 94.

¹⁷ См.: Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С. 44.

¹⁸ Там же. С. 45.

ступлений шла от капиталистических и полукapиталистических способов ведения хозяйства.

Более того, отдельные элементы сеньориального комплекса в указанный период наполнились новым содержанием, фактически превратившись в завуалированную форму капиталистической аренды¹⁹. Соответственно А.В. Адо отмечал, что "исследования последних десятилетий относительно реального веса феодально-сеньориального вычета из крестьянского дохода в различных районах Франции, о месте его в структуре доходов сеньориального класса, о характере использования им земель домена показывают гораздо более сложную картину, чем это представлялось еще 15–20 лет назад"²⁰. И эта, сложившаяся в результате развития историографии новая картина уже в 1988 г. позволила Л.А. Пименовой сделать вполне определенный вывод: "На современном уровне знаний у нас нет оснований характеризовать систему общественных отношений предреволюционной Франции в целом как феодальный строй"²¹.

И если в наши дни утверждения о существовании "феодализма" накануне Французской революции еще порой встречаются в околonaучных публикациях²², то для исследователей данный вопрос представляется уже давно решенным. Даже в новейших изданиях учебной литературы, по определению более консервативной, чем собственно научная, сегодня констатируется, что к началу Французской революции "феодальные отношения давно канули в Лету"²³.

Впрочем, споры о применимости термина "феодализм" идут и теперь, правда, касаются они гораздо более ранних эпох. Так, в последнее время отечественные историки-медиевисты все более активно высказывают весьма аргументированные сомнения в правомерности использовать его как обобщающее понятие для обозначения системы общественных отношений даже средневековой Европы²⁴.

¹⁹ Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С. 37–38.

²⁰ Адо А.В. О месте Французской революции... С. 10.

²¹ Пименова Л.А. О некоторых спорных вопросах... С. 95.

²² Всемирная история. Т. 16. Европа под влиянием Франции. С. 7.

²³ Арзаканян М.Ц., Ревакин А.В., Уваров П.Ю. История Франции. М., 2005. С. 177.

²⁴ См., например: Гуревич А.Я. "Феодальное Средневековье": что это такое? Размышления медиевиста на грани веков // Одиссей. Человек в истории. 2002. М., 2002; Дубровский И.В. Как я понимаю феодализм? // Конструирование социального. Европа V–XVI вв. М., 2001; Он же. Феод // Словарь средневековой культуры.

Со второй частью составного понятия "феодално-абсолютистский" дело обстоит намного сложнее, а потому и разговор о ней будет гораздо более подробным. Действительно, в отличие от термина "феодализм", возможность применения которого по отношению к реалиям XVIII в., вызывала сомнения даже у такого мэтра советской историографии, как В.М. Далин, правомерность использования термина "абсолютизм" для определения французской государственности Старого порядка никогда и никем из отечественных исследователей под вопрос не ставилась. Понятие "абсолютизм" имеет самое широкое хождение в нашей научной литературе еще с XIX в., причем как в трудах историков, изучавших Старый порядок, так и в работах специалистов по Французской революции. Тем не менее и с ним, на мой взгляд, связана определенная проблема, которая заключается в том, что образ французского абсолютизма, до самого последнего времени бытовавший в отечественной историографии Революции, был весьма слабо связан с фактами, установленными исследователями собственно Старого порядка.

При знакомстве с историей развития отечественного франковедения возникает впечатление, что и в дореволюционной России, и в советское время профессиональные сообщества исследователей, занимавшихся изучением Старого порядка и Революции, являли собой две разные галактики, расположенные бесконечно далеко друг от друга. Обитатели этих галактик порой совершали кратковременные вылазки на территорию "братьев по разуму", о чем свидетельствуют такие эфемерные следы подобных "посещений", как лекционные курсы, учебные пособия или популярные очерки. Однако чего-либо более солидного — монографического исследования, например, — никто из "гостей" на "чужой" территории не создал.

Эти взаимные "визиты" происходили с разной степенью интенсивности. Если специалисты по французскому абсолютизму относительно нечасто вторгались на территорию революционной историографии, то, напротив, для подавляющего большинства авторов общих работ о Французской революции более или менее пространный экскурс в историю государственных институтов Старого порядка был необходимым элементом раздела "Причины и предпосылки Революции".

Путешествия "революционных" историков в "галактику абсолютизма" стали предприниматься практически одновременно с началом профессионального изучения в нашей стране истории Французской революции. Представители "русской школы" подходили к таким экскурсам весьма основательно. Так, ее признанный "патриарх" Н.И. Кареев не только изложил свою точку зрения на французский абсолютизм в известном учебном курсе по истории

нового времени²⁵, но и посвятил этой теме отдельную научно-популярную работу²⁶.

Сам Н.И. Кареев специальными исследованиями по истории государства Старого порядка не занимался, однако соответствующие работы современных ему авторов хорошо знал: списки научной литературы, приводимые в указанных изданиях, выглядят весьма убедительно. Тем не менее в своих рассуждениях о французском абсолютизме он исходил не столько из конкретного материала, пусть даже почерпнутого из чужих трудов, сколько из абстрактной теоретической схемы, выведенной по принципу "от обратного" из его же собственных представлений о том, чем собственно являлась Французская революция. Считая ее полным отрицанием Старого порядка, Н.И. Кареев наделял последний качествами, прямо противоположными тем, которые приписывал вышедшему из Революции новому порядку. А поскольку основными принципами "исторического движения", начатого в 1789 г., историк считал свободу и равенство, то, утверждал он, "с этой точки зрения старые порядки *сводятся к отсутствию* (курсив мой. — А.Ч.) политической свободы и гражданского равенства"²⁷. Иначе говоря, Н.И. Кареев выделял здесь в качестве существенных, идентифицирующих признаков модели Старого порядка не какие-либо из ее собственных черт, а, напротив, отсутствие черт, свойственных модели-антиподу.

Роль такого антипода абсолютизму у Н.И. Кареева играл не только и не столько государственный строй постреволюционной Франции, хотя, как мы видели выше, именно через сравнение с ним он определял государство Старого порядка, сколько политическое устройство Англии XVII—XVIII вв., в котором историк видел своего рода архетип "конституционных учреждений" всех остальных стран Европы нового времени. С этой точки зрения, вся западноевропейская история того периода выглядела как "развитие противоположности между двумя типами государств" — английской конституционной монархией и французским абсолютизмом, а Французская революция представлялась торжеством английской модели и началом ее распространения на континенте²⁸.

Впрочем, присущие, по мнению Н.И. Кареева, французскому Старому порядку "несвобода" и "неравенство" имели и впол-

²⁵ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. СПб., 1892 — 1893. Т. 2 — 3. Далее ссылки на эту работу даются по третьему изданию, вышедшему в 1904 г.

²⁶ Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества "старого порядка". СПб., 1908.

²⁷ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 3. С. 20.

²⁸ Там же. Т. 2. С. 384 — 387.

не конкретные воплощения: абсолютизм выступал олицетворением "несвободы", сословные привилегии или "социальный феодализм" — "неравенства"²⁹. Именно эта двухчленная формула — "соединение социального феодализма средних веков с абсолютной монархией нового времени"³⁰ — и выжала, согласно Н.И. Карееву, суть Старого порядка. Причем, если верить историку, оба элемента обладали вполне автономным характером и слабо зависели друг от друга. Чтобы более наглядно объяснить их соотношение, Н.И. Кареев даже воспользовался марксистскими понятиями "базис" и "надстройка", хотя марксизм в целом он отнюдь не жаловал: «То, что есть верного в учении экономического материализма, так это — различие в исторической жизни народа базиса и надстроек: таким базисом "старого порядка" было сословное общество, одною из надстроек — бюрократическое государство...»³¹ Однако если, согласно теории марксизма, базис играет определяющую роль по отношению к надстройке, то в трактовке Н.И. Кареева их соотношение носит чисто механический характер: одна надстройка может сменить другую без каких-либо изменений в состоянии базиса, фактически как если бы речь шла о замене одного предмета другим на неподвижной поверхности стола. Тот или иной "социальный строй", считал историк, "может существовать при разных политических формах"³². Так, "феодализм" служил "базисом" и для средневекового государства, построенного на вассально-сюзеренных связях, и для "сословной монархии", и для бюрократической абсолютной монархии нового времени³³.

Соответственно и абсолютизм представлялся Н.И. Карееву неким внеисторическим феноменом — формой государственно-го устройства, способной найти себе применение в любой стране, при любом общественном строе. К числу абсолютных монархий он на равных основаниях относил Египет эпохи фараонов и тирании древнегреческих полисов, эллинистические монархии и средневековые восточные деспотии, Римскую, Византийскую и наполеоновскую империи, западноевропейские монархии раннего нового времени и российское самодержавие до 1905 г.³⁴ Более того, даже в период самой Французской революции Н.И. Кареев находил "продолжение старого абсолютизма" в якобинской

²⁹ Там же. Т. 3. С. 20.

³⁰ Там же. С. 19.

³¹ Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия. С. 6.

³² Там же. С. 2.

³³ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 2. С. 386, 388; Т. 3. С. 21, 397 и др.; Он же. Западноевропейская абсолютная монархия. С. 425—426.

³⁴ Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия. С. 3—10, 386, 392.

диктатуре³⁵. Общим знаменателем, который позволяет втиснуть в рамки единого понятия весь этот пестрый конгломерат государственных институтов едва ли не всех времен и народов, ученый считал "неограниченную" власть государства: "Общее тут — большее или меньшее устранение общегосударственных сил от дел правления, сосредоточение неограниченной власти в лице главы государства, управление государством исключительно при помощи государевых слуг"³⁶.

С высоты этой предельно абстрактной генерализации Н.И. Кареев трактовал и французскую монархию Старого порядка. Последняя интересовала его не как исторически сложившийся, более или менее эффективно функционировавший и постоянно развивавшийся комплекс государственных институтов, а как "самый рельефный", "типический" образец абсолютизма³⁷. Собственно, вся эволюция французской государственности на протяжении почти полутора тысяч лет укладывалась историком в достаточно простую схему: на смену "античному абсолютизму" Римской империи пришла политическая "феодализация", после чего на рубеже средневековья и нового времени опять началось возрождение абсолютизма, что "в сущности" означало "возвращение к политическим формам императорского Рима"³⁸.

Характеристика Н.И. Кареевым отдельных аспектов функционирования французского государства Старого порядка также довольно абстрактна и схематична. Конкретные факты лишь изредка привлекались им в качестве иллюстративного материала к общим положениям своей интерпретации.

Итак, что же являла собой монархия Старого порядка в изображении "патриарха русской школы" историков Французской революции? В сжатом виде его представления на сей счет могут быть выражены формулой "всепоглощающее государство"³⁹. "Не-свобода", составлявшая, по его мнению, суть абсолютизма, проявлялась, прежде всего, в "полном подчинении всей народной жизни тому, что королевская власть считала своим правом и своим интересом, отождествляя их с правом и интересом самого государства, единственным судьей которых был притом опять-таки сам монарх"⁴⁰. Я не случайно выделил курсивом слово "всей". Н.И. Кареев и в самом деле не только полагал, что "абсолютное государство

³⁵ Там же. С. 419. Подробнее см.: Ростиславлев Д.А. Н.И. Кареев о якобинской диктатуре // Исторические этюды о Французской революции. М., 1998.

³⁶ Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия. С. 4.

³⁷ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 2. С. 384, 386.

³⁸ Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия. С. 3, 18, 27, 425 — 426 и др.

³⁹ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 2. С. 416.

⁴⁰ Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия. С. 194.

нового времени с неограниченной королевской властью во главе стремились быть всем во всем"⁴¹, но и был убежден, что оно, действительно, преуспело в этом стремлении. По словам историка, французская монархия того периода полностью соответствовала идеалу неограниченной власти, описанной Ж. Боденом⁴².

Абсолютный характер власти французского короля, утверждал Н.И. Кареев, проявлялся в том, что "вся пацция сосредоточивалась в его особе, и государство как бы воплощалось в личности государя"⁴³. В афористичной форме такое положение вещей выражала известная фраза, якобы высказанная Людовиком XIV, "государство — это я". Хотя русский ученый и отмечал, что подлинность этих слов "подвергается сильному сомнению", тем не менее, считал, что они вполне соответствуют "некоторым собственным заявлениям Людовика XIV и в особенности всему его поведению"⁴⁴.

По словам Н.И. Кареева, в "сословной монархии", существовавшей до установления абсолютизма, "король делился в той или иной мере политическими правами с сословиями, представленными на государственных сеймах (во Франции роль таковых играли Генеральные штаты. — А. Ч.). Последние вотировали налоги, принимали участие в издании законов, наблюдали отчасти за действиями администрации, нередко даже выбирали королей"⁴⁵. При абсолютизме же все эти функции перешли к монарху и подчиненному ему бюрократическому аппарату: "Королевская власть и бюрократия взяли на себя законодательную функцию государства, вполне устранивши общественные силы от какого бы то ни было участия в издании законов и в преобразовательной деятельности государства. То же самое произошло в области управления и суда, которые все более и более бюрократизировались"⁴⁶.

Согласно Н.И. Карееву, абсолютизму был присущ откровенно волюнтаристский характер управления, когда политические решения определялись исключительно "особенностями психики лиц", стоявших во главе государства, что вело к "противоречивости, непоследовательности или общей несуразности в ведении дел". В качестве "классического образца сумбурности" ученый приводил факт создания Людовиком XV системы тайной дипломатии ("секрета короля"), действовавшей параллельно с офици-

⁴¹ Там же. С. 306; Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 2. С. 415.

⁴² Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 2. С. 392.

⁴³ Там же. С. 537.

⁴⁴ Там же. С. 548. См. также с. 537; Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия. С. 328.

⁴⁵ Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия. С. 425. См. также с. 121.

⁴⁶ Там же. С. 430.

альной дипломатией. Ученый полагал, что в этом случае король руководствовался "циническим легкомыслием", внося "в управление государством одну путаницу" едва ли не для собственного развлеченя⁴⁷.

Столь же откровенный произвол, по словам Н.И. Кареева, абсолютистское государство проявляло и в том, что касалось личных прав подданных: "Король был волен в жизни и смерти своих подданных, как волен был и в их свободе..."⁴⁸. Огромное влияние при абсолютизме, по мнению Н.И. Кареева, имела полиция. Утверждая, что "полицейскому произволу было подчинено все"⁴⁹, он даже называл французскую монархию "полицейским государством". "Что особенно характеризует полицейское государство, так это — неуважение к личным правам: ... произвольные аресты, конфискации, преследование иноверия, перлюстрация частной переписки, цензурные запрещения, сожжения книг рукой палача, гонения, воздвигавшиеся на писателей и т.п."⁵⁰ Суд был лишен какой бы то ни было независимости, являясь "лишь одним из административных ведомств, мало чем отличавшимся от такого, например, ведомства, как полиция"⁵¹.

Доказывая неограниченный характер королевской власти во Франции, Н.И. Кареев, однако, вынужден был как-то объяснять историю многовекового противостояния монархии и традиционных судебных учреждений (парламентов), которая совершенно не вписывалась в его схему: "Эта история взаимных отношений королевской власти и парламента во Франции в высшей степени поразительна ... Ни в каком современном государстве с самым либеральным устройством правительство не потерпит, чтобы должностные лица судебного ведомства вмешивались в законодательную деятельность государства и устраивали общие забастовки судебных учреждений, абсолютная же монархия двух последних Бурбонов должна была это терпеть и ничего не могла с этим поделать"⁵². Впрочем, сколько-нибудь убедительного объяснения этому феномену ученый так и не предложил. Действительно, если подходить к государственным институтам Старого порядка с теми же критериями, что и к "современному государству с самым либеральным устройством", то распря между монархией и традиционными судами, действительно, могла представляться лишь очередным проявлением "общей несуразности в ведении дел". Ссылка же на то, что парламенты как "средневековые учреждения" лишь "доживали до французской революции, общий же тон политической жиз-

⁴⁷ Там же. С. 141 — 142.

⁴⁸ Там же. С. 171.

⁴⁹ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 2. С. 558.

⁵⁰ Там же. Т. 3. С. 44.

⁵¹ Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия. С. 172.

⁵² Там же. С. 133.

ни задавался не ими, а абсолютной королевской властью"⁵³, выглядела скорее как уход от проблемы, а не ее решение, ибо противоречила даже тем немногим конкретным фактам о неуклонно нараставшем на протяжении всего XVIII в. остром соперничестве короны и якобы "доживавших" свой век суверенных судов, которые приводил сам Н.И. Кареев.

"Вселопоглощающий" характер абсолютизма проявлялся, по его словам, в тотальном подчинении общества королевской власти, влияние которой распространялось во всех направлениях — и по вертикали, и по горизонтали. По вертикали — через централизацию страны и ликвидацию местного самоуправления, в чем решающую роль, по мнению историка, играли интенданты, обладавшие в провинциях столь широкой властью, что он постоянно сравнивал их с персидскими сатрапами или турецкими пашами⁵⁴. По горизонтали влияние монархии распространялось путем вмешательства государственной власти практически во все области жизни общества — от экономики до культуры. Так, в хозяйственной сфере оно проявлялось в регламентации экономики в целях удовлетворения фискальных потребностей государства или, иными словами, в политике меркантилизма⁵⁵. В области же духовной культуры имело место, с одной стороны, "королевское меценатство" для лояльных трону деятелей искусства, с другой — "подавление всякой духовной свободы ... строгая цензура и сожжение рукой палача произведений печати, в которых проявлялся сколько-нибудь вольный дух, преследование писателей, неугодных властям и сильным мира"⁵⁶.

Общая оценка Н.И. Кареевым исторической роли французского абсолютизма, особенно со второй половины XVII в., носила крайне негативный характер. И если в начальный период своего существования абсолютная монархия еще совершала, по его словам, некоторую созидательную ("органическую") работу, то после смерти Кольбера она стала тормозом для развития страны, которая с этого времени вступила в эпоху "государственного расстройств", "экономического разорения", "задержки в развитии", продолжавшуюся вплоть до Революции XVIII в. Любопытно, что в общем курсе новой истории Н.И. Кареев даже счел излишним подробно освещать данную эпоху, именно потому, что с точки зрения прогресса она являла собою "застой", а то и "возвращение вспять"⁵⁷.

⁵³ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 2. С. 389.

⁵⁴ Там же. Т. 2. С. 415, 558; Т. 3. 48; Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия. С. 154.

⁵⁵ Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия. С. 193—195; Он же. История Западной Европы в новое время. Т. 2. С. 416.

⁵⁶ Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия. С. 306—307.

⁵⁷ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 2. С. 536.

Знакомясь с кареевской характеристикой дореволюционной Франции Старого порядка, человек, знакомый с реалиями русской истории, думаю, не мог не испытывать ощущения *déjà vu*: описанные историком порядки до боли напоминают картины российской действительности в изображении оппозиционных самодержавию публицистов. Однако в названных работах Н.И. Кареев избегал прямых сравнений французского абсолютизма и русского самодержавия, хотя упоминание о том, что Россия до 1905 г. принадлежала к числу абсолютных монархий⁵⁸, показывает, что он относил оба государства к одному типу. О том же свидетельствует и единственное в его книге об абсолютизме обращение к примеру из русской истории, когда, объясняя разницу между законотворчеством при сословной и абсолютной монархиях, автор вдруг предлагает "отвлечься на минуту от истории Запада" и заводит речь о различиях в процедуре принятия "Соборного уложения" Алексея Михайловича и Свода законов Российской империи Николая I⁵⁹. Такая, несколько неожиданная иллюстрация русским примером рассуждений, строившихся до того на французском материале, давала понять, что, по мнению историка, исторический процесс в обеих странах идет в общем направлении.

Однако подобная, пусть даже имплицитная, констатация сходства в развитии французской монархии Старого порядка и Российской империи предполагала вывод о неизбежности в России такой же революции, которая покончила с абсолютизмом во Франции. Тем более таким выводом было бы чревато открытое отождествление двух указанных типов государственности. Видимо, поэтому Н.И. Кареев, ограниченный в названных работах цензурными рамками, напрямую такого отождествления и не проводил.

Но он это сделал в книге "Великая французская революция", вышедшей уже после падения в России империи. Теперь он уже прямо называл французское государство Старого порядка "самодержавной или абсолютной монархией"⁶⁰, подчеркивая тем самым идентичность французского и российского абсолютизмов. Не сдерживаемый более цензурой, Н.И. Кареев открыто заявил о том, что ранее им только подразумевалось: Французская революция — прямой аналог революции в России. "Наша революция 1905 г., писал он, — была как бы повторением того, что произошло во Франции за сто шестнадцать лет перед тем. В 1789 г. французы сбросили с себя иго королевского самодержавия и сделали попытку его замены конституционной монархией... В 1792 г. во Франции произошла отмена королевской власти и была провозглашена респуб-

⁵⁸ Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия. С. 5, 386.

⁵⁹ Там же. С. 119 — 120.

⁶⁰ Кареев Н.И. Великая французская революция. Пг., 1918. С. 17 (курсив мой. — А.Ч.).

лика. В России повторилось то же самое в 1917 г.⁶¹ Подобно многим своим современникам, Н.И. Кареев верил, что история Французской революции является провозвестием того пути, который предстоит пройти России. Неудивительно, что исходные пункты этого маршрута — монархия Бурбонов и монархия Романовых — представлялись ему столь схожими между собой.

Я так подробно остановился на кареевской интерпретации французского абсолютизма не только потому, что из наших историков Французской революции "патриарх русской школы" больше других уделял внимания данному сюжету, но и потому, что предложенная им трактовка оказалась, как мы увидим далее, "типической" для всей отечественной историографии Революции.

В этом нетрудно убедиться, обратившись, например, к уже упоминавшейся в первой главе научно-популярной книге об абсолютизме, написанной Е.В. Тарле⁶². У нас нет оснований полагать, что, работая над ней, автор находился под влиянием кареевской концепции. Е.В. Тарле написал это сочинение в 1906 г., то есть за два года до появления "Западноевропейской абсолютной монархии" Н.И. Кареева. Вышедшую же ранее "Историю Западной Европы в новое время", где Н.И. Кареев впервые подробно сформулировал свое видение французского абсолютизма, Е.В. Тарле в сносках не упоминает. А если еще вспомнить о разных методологических предпочтениях обоих историков — Тарле симпатизировал марксизму, который Кареев отвергал, — то вряд ли мы бы удивились, обнаружив в их интерпретациях абсолютизма, как минимум, некоторые различия. Однако, напротив, не только в основных положениях, но и во многих частностях эти интерпретации практически совпадают.

Подобно Н.И. Карееву, Е.В. Тарле рассматривает абсолютизм как некий внеисторический феномен, встречавшийся в разные времена и у разных народов: в Вавилонском царстве Хаммурапи, Древнем Египте, Римской империи, средневековой Англии (до XIII в.) и т.д., а наиболее характерным или, точнее, наиболее известным его образцом также считает французскую монархию Старого порядка⁶³. Предложенное Е.В. Тарле ее описание в основе своей повторяет кареевское. Французский монарх якобы обладал ничем не ограниченной, "бесконтрольной властью над человеческой жизнью, честью и достоинством" подданных⁶⁴, в подтверждение чего вновь приводился знаменитый тезис "государство — это я"⁶⁵. Подобная неограниченная власть применялась совершенно

⁶¹ Там же. С. 4.

⁶² Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки [1906] // Тарле Е.В. Сочинения: В 12 т. М., 1958. Т. 4. С. 313—440.

⁶³ Там же. С. 321—325, 360.

⁶⁴ Там же. С. 330.

⁶⁵ Там же. С. 346.

волюнтаристским образом, граничившим с произволом, — “без плана, без руководящей мысли, без будущего”, “от случайности к случайности, от авантюры к аванюре”⁶⁶. Тарле сравнивал ее с корабельной пушкой, сорвавшейся во время шторма с креплений. Так, преследование Людовиком XIV гугенотов, которое “страшно вредило плану торгово-промышленного развития Франции”, было, по мнению ученого, вызвано всего лишь желанием “абсолютизма, избавленного от реальных забот”, “занять свои досуги”⁶⁷.

В XVIII в. французская абсолютная монархия, по словам Е.В. Тарле, представляла собой настоящее “экономическое бедствие”, ибо ее действия вели к “экономическому распаду” и “хроническому голоданию нации”⁶⁸. Ну а поскольку ни к каким реформам она не была способна по сути своей — подобную мысль автор книги повторяет неоднократно⁶⁹, — “результат был предрешен всей исторической эволюцией французского народа, революционному поколению оставалось выполнить продиктованную задачу”⁷⁰.

И, наконец, для указанной книги Е.В. Тарле, так же, как и для рассмотренных выше работ Н.И. Кареева, характерна экстраполяция французского исторического опыта на русскую действительность. Причем, если в трудах Кареева, написанных в условиях цензурных ограничений, такая экстраполяция скорее подразумевается, нежели декларируется, то в сочинении Тарле, появившемся во время первой русской революции (1906), исторические параллели между двумя странами проведены вполне открыто. Подобно своему старшему коллеге, Е.В. Тарле писал “Франция”, держа в уме “Россия”.

Ну а уж если даже столь уважаемые профессиональные историки считали возможным проводить прямые аналогии между французской монархией Старого порядка и русским самодержавием — аналогии, имевшие чисто политический подтекст, — то совсем не удивительно, что русская историческая публицистика периода революции 1905 — 1907 гг. соответствующими аналогиями просто изобиловала. Так, в брошюре М. Олениной “Весна народов” мы видим тот же самый набор стереотипных характеристик монархии Бурбонов, что и в научно-популярных трудах названных

⁶⁶ Там же. С. 336. См. также с. 333.

⁶⁷ Там же. С. 365.

⁶⁸ Там же. С. 328, 340, 361.

⁶⁹ “Это обстоятельство коренится в тех же основных, генетических чертах неограниченной монархии: именно вследствие сознания или предчувствия того, что всякая коренная реформа политического строя для него равнозначна с самоупраждением, абсолютизм еще задолго до кризиса так упорно гонит от себя мысль о реформе и помощь реформаторов”. — Там же С. 354. См. также с. 344 — 355.

⁷⁰ Там же. С. 350.

выше исследователей: "самодержавный король"⁷¹, обладавший неограниченной властью ("государство — это я"⁷²), "был хозяином жизни и имущества подданных"⁷³. В стране царил полицейский произвол ("По доносу полиции всякого могли бросить в тюрьму и продержат там сколь угодно долго времени"⁷⁴), "судили судьи, назначенные правительством"⁷⁵, свирепствовала цензура ("книги, учившие любви к ближнему, братству, равенству всех людей, уничтожались как опасные"⁷⁶) и т.д. и т.п. Короли, заявляет автор, "довели свой народ до полного истощения"⁷⁷, в результате чего и произошла Французская революция.

Точно так же описана власть французского монарха и в уже упоминавшейся брошюре анонимного социал-демократа: «Самодержавный господин, с неограниченной властью, он держал в своих руках судьбы целого государства. "Государство — это я", — с гордостью сказал один из королей французских, Людовик XIV»⁷⁸.

После революции 1917 г. аналогия между монархиями Бурбонов и Романовых в значительной степени утратила свою политическую остроту, однако представления о французском государстве Старого порядка как о "королевском самодержавии" суждена была долгая жизнь в отечественной историографии Французской революции.

Советские исследователи Революции уделяли вопросам функционирования государственных институтов Старого порядка гораздо меньше внимания, нежели историки "русской школы", и, касаясь этой темы, фактически ограничивались воспроизведением дефиниций, выработанных предшественниками. Отчасти такая ситуация была связана с процессами, происходившими тогда в соседней профессиональной "галактике" — специалистов собственно по истории Старого порядка. После утверждения в отечественной историографии "классового подхода", они направили свои усилия, прежде всего, на установление "социально-классовой природы" абсолютизма⁷⁹, а изучение его государственных институтов, напротив, оказалось сведено к минимуму. Соответственно и специалисты по Французской революции, говоря о Старом порядке, теперь рассуждали преимущественно о "классовой основе" аб-

⁷¹ Весна народов (Великая французская революция) / Сост. М. Оленина. Н. Новгород, 1906. С. 7.

⁷² Там же. С. 3.

⁷³ Там же. С. 69.

⁷⁴ Там же. С. 7.

⁷⁵ Там же. С. 8.

⁷⁶ Там же. С. 14.

⁷⁷ Там же. С. 2.

⁷⁸ Великая французская революция. СПб., 1906. С. 7.

⁷⁹ См.: Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука "убеждать", или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е — начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003. С. 34 и далее.

солютизма, а при характеристике самой монархии довольствовались беглым перечнем стереотипных определений: "самодержавная", "неограниченная" и т.д. Причем если подобные представления о "классовой основе" претерпели в ходе острых дискуссий 20–50-х годов довольно существенную эволюцию, то видение "надстройки" все время оставалось неизменным.

Так, Н.М. Лукин в своей работе "Максимилиан Робеспьер" определял власть Людовика XVI как "королевское самодержавие". Правда, тут же, в соответствии с теорией "торгового капитализма" М.Н. Покровского, оговаривал, что «это самодержавие было далеко не безграничным. Король был не только "первым дворянином своего государства". Само усиление его власти произошло благодаря тесному союзу с *торговым капиталом*... Интересы героев первоначального накопления определяли всю внешнюю и в значительной степени внутреннюю политику Людовика XVI, как и его ближайших предшественников на троне»⁸⁰.

В 30-е годы теория "торгового капитализма" была официально осуждена, а поддерживавшая ее "школа Покровского" подвергнута жестокой критике. И вот уже в 1933 г. С.А. Лотте, автор обобщающего очерка о Французской революции, заявляет, в соответствии с новыми идеологическими веяниями, что абсолютизм "целиком опирался на дворянство, при этом — на его менее прогрессивные слои"⁸¹. Однако в описании ею самого государственного механизма Франции того времени мы вновь слышим хорошо знакомые мотивы: "В дореволюционной Франции существовала абсолютная монархия, то есть самодержавная, не ограниченная никаким представительным учреждением королевская власть"; «Особа короля священна и совершенно независима — "то, что благоудно государю, имеет силу закона»"; "Административная практика абсолютизма характеризовалась произволом, попытками крайней централизации, полным беззаконием и игнорированием экономических нужд и интересов данной местности" и т.д., и т.п. Ну и, разумеется, в подтверждение — традиционное "государство — это я"⁸².

Еще лаконичней высказался Ф.В. Потемкин, так охарактеризовавший французскую монархию во введении к известному коллективному труду о Революции XVIII в.: «Располагая неограниченной властью, освященной теорией так называемого "божественного права", король мог по своему усмотрению решать все дела административные и судебные, объявлять войну или заключать мир, издавать или отменять любые законы»⁸³. Парадоксально, но этой лапидарной формулировкой, да разве что еще краткой репликой о

⁸⁰ Лукин Н.М. Максимилиан Робеспьер // Лукин Н.М. Избранные труды. М., 1960. Т. 1. С. 23.

⁸¹ Лотте С.А. Великая французская революция. М.; Л., 1933. С. 41.

⁸² Там же. С. 40, 41 — 42, 44.

⁸³ Французская буржуазная революция, 1789 — 1794. М.; Л., 1941. С. 1.

всевластия на местах интендантов, подобных персидским сатрапам⁸⁴, практически исчерпывается все, что создатели этого 850-страничного тома сочли необходимым сказать о французском абсолютизме. Видимо, им механизм действия государственных институтов предреволюционной Франции представлялся настолько очевидным, что просто не заслуживал более подробного описания.

И в послевоенные годы советская историография Французской революции, характеризуя монархию Старого порядка, продолжала воспроизводить те же самые стереотипы, восходящие к сочинениям представителей "русской школы". Приведу в качестве примера два наиболее широко известных в нашей стране и неоднократно переиздававшихся обобщающих труда по истории Французской революции, написанные соответственно А.З. Манфредом и В.Г. Ревуненковым.

Первое издание работы А.З. Манфреда вышло в 1950 г.⁸⁵, второе, радикально переработанное и значительно дополненное — в 1956 г.⁸⁶, третье — уже после смерти автора⁸⁷. Таким образом, хотя данное сочинение сохраняло определенную научную актуальность, в частности благодаря последнему переизданию, до конца XX в., изложенные в нем идеи соответствовали уровню, достигнутому данным направлением отечественного франковедения к середине 1950-х годов. Вот какой виделась тогда французская абсолютная монархия одному из ведущих советских историков Революции XVIII в.:

«Король по-прежнему обладал неограниченной, самодержавной властью; ему принадлежало окончательное решение всех внутренних и внешних дел государства, он назначал и смещал министров и чиновников, издавал и отменял законы, карал и миловал. Людовик XVI ... любил напоминать о своих самодержавных правах и ссылаться на "божественное начало" своей неограниченной власти. В годы его правления царил полный произвол ... Огромный бюрократический аппарат абсолютистской монархии охватывал своими щупальцами все области общественной и даже личной жизни ... Невежественные и продажные чиновники ревностно следили за незыблемостью установленных порядков и подвергали мелочной опеке и контролю производство, торговлю, строительство, просвещение, культуру, все сферы духовной жизни и частную жизнь подданных короля... С крайней придирчивостью правитель-

⁸⁴ "... Все провинции управлялись интендантами, пользовавшимися огромной властью. Современники сравнивали этих всемогущих чиновников с персидскими сатрапами". — Там же. С. 2.

⁸⁵ Манфред А.З. Французская буржуазная революция конца XVIII в. 1789 — 1794. М., 1950.

⁸⁶ Манфред А.З. Великая французская буржуазная революция XVIII века. М., 1956.

⁸⁷ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983.

ство контролировало и держало под неусыпным полицейским надзором произведения человеческой мысли... Всякое печатное слово находилось под строгой цензурой»⁸⁸.

Если заранее не знать, что автор этих строк написал их в середине XX в., вполне можно было бы подумать, что мы имеем дело с текстом рубежа XIX – XX столетий, так сильно все здесь сказанное напоминает пассажи из работ Н.И. Кареева о “всепоглощающем” государстве.

Впрочем, ничуть не меньшее ощущение *déjà vu* испытываешь при ознакомлении с характеристикой французской абсолютной монархии в трудах В.Г. Ревуненкова, написанных в гораздо более поздний период. Хотя широкую известность и в профессиональных кругах, и среди широкой читающей публики этому автору принесло участие в дискуссии 60 – 70-х годов о классовой природе якобинской диктатуры, ему приходилось высказываться в печати не только по этой теме, но и по самому широкому спектру проблем Французской революции, в частности как автору обобщающего труда о ней, на текущий момент последнего в отечественной историографии. Первое издание этой работы появилось в двух томах в 1982 – 1983 гг.⁸⁹ Последующие, выходившие одной книгой, – в 1989, 1996 и 2003 гг.⁹⁰ Причем каждое из них автор не только пополнял некоторым фактическим материалом, но и постоянно раздвигал хронологические рамки текста, добавляя к нему все новые главы. Иначе говоря, в определенном смысле можно сказать, что мы имеем дело не столько с переизданиями одного произведения, сколько с серией обобщающих трудов по истории Французской революции, над которой В.Г. Ревуненков работал на протяжении последних двух десятилетий XX в. В каждой из этих книг есть раздел о положении Франции накануне Революции, и от издания к изданию он увеличивался в объеме за счет включения в него все новых фактических данных, однако концептуальная характеристика французского абсолютизма не претерпевала ни малейших изменений:

“В XVIII в., как и раньше, французские короли обладали абсолютной, т.е. неограниченной властью... Король мог устанавливать и собирать лобые налоги, не спрашивая разрешения у кого-либо. Он мог издавать и отменять лобые законы, объявлять войну и за-

⁸⁸ Там же. С. 21 – 23.

⁸⁹ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии 1789 – 1792. Л., 1982; Он же. Очерки по истории Великой французской революции. Якобинская республика и ее крушение. Л., 1983.

⁹⁰ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции, 1789 – 1799. 2-е изд. Л., 1989; Он же. Очерки по истории Великой французской революции, 1789 – 1814. 3-е изд., доп. СПб., 1996; Он же. История Французской революции. СПб., 2003.

ключать мир, решать по своему усмотрению все административные и судебные дела ... Главной фигурой в провинциальном управлении уже давно стали интенданты. Центральная власть отправляла на места высших чиновников судебных и иных ведомств, облеченных всей полнотой власти: административной, финансовой, судебной, а впоследствии даже и военной... При дворе короля царили интриги и творился чудовищный произвол. Король в гневе мог бросить в тюрьму кого угодно и держать его там десятки лет без суда, даже без предъявления обвинений"⁹¹.

Как видим, если у В.Г. Ревуненкова и были острые противоречия с А.З. Манфредом в оценках якобинской диктатуры, то характеристики французского абсолютизма, данные обоими историками, полностью совпадают. Более того, эти характеристики, как видим, практически целиком совпадают и с интерпретацией французской монархии Старого порядка Н.И. Кареевым. Так же, как и он, оба крупнейших советских специалиста по истории Французской революции фактически сводят суть абсолютистского государства к знаменитому "государство — это я", причем, в отличие от Н.И. Кареева, сомневающегося в подлинности данного высказывания, считают, что Людовик XIV, действительно, подобным образом сформулировал основополагающий принцип своего правления⁹².

Ознакомившись с представлениями отечественных историков Французской революции о том государственном строе, который она разрушила, нетрудно убедиться, что за сто с лишним лет эти представления не претерпели существенных изменений. Почти все из рассмотренных нами авторов считали французскую монархию Старого порядка "самодержавной", а те, кто этот термин не использовал, характеризовали ее как "неограниченную", что, строго говоря, означает то же самое, ведь словарь В.И. Даля определяет "самодержавие" как "управление *самодержавное*, монархическое, полновластное, неограниченное, независимое от государственных учреждений, соборов или выборных, от земства и чинов"⁹³. Любопытно заметить, что, хотя уже в середине XX в. отечественные лингвисты ограничили употребление понятия "самодер-

⁹¹ Ревуненков В.Г. Очерки... 1982. С. 22 — 25; 1989. С. 29 — 32; 1996. С. 36 — 39. В издании 2003 г. автор смягчил некоторые формулировки, в частности были сняты первое и последнее из процитированных здесь предложений (прочие остались без изменений). Однако в целом эта правка носила скорее косметический характер и не затрагивала сути авторской концепции абсолютизма. См.: Ревуненков В.Г. История Французской революции. С. 33 — 36.

⁹² Манфред А.З. Великая французская революция. С. 36; Ревуненков В.Г. Очерки... 1982. С. 23; 1989. С. 30; 1996. С. 37.

⁹³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., доп. и испр. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 133.

жавие" исключительно российским контекстом⁹⁴, в исторической литературе оно, как мы видели, по-прежнему применялось также и по отношению к дореволюционной Франции.

Но обладал ли французский король реально такой же властью, как царь в России? Действительно ли французская монархия была "самодержавной" или хотя бы, по меньшей мере, воспринималась как таковая своими современниками?

* * *

Начнем с теоретического аспекта проблемы и рассмотрим, как представляли себе французскую монархию Старого порядка ее идеологи.

Уже с конца XIII в., находившиеся на службе у французского короля правоведа — легисты — прилагали немало усилий, стремясь обосновать "абсолютный" характер власти своего монарха. Для этого они активно использовали формулировки римского права, вычленив их из исторического контекста и перенося на французскую почву: *Quod principi placuit legis habet vigorem* (Что угодно государю имеет силу закона), *Princeps legibus solutus est* (Государь выше закона), *Princeps id est lex* (Государь и есть закон) и т.д.⁹⁵

Однако эти принципы, из раза в раз воспроизводившиеся авторами юридических трактатов, вовсе не следует воспринимать как адекватное отражение политической реальности того времени. Речь скорее шла о желаемом, нежели о действительном. В самом деле, достаточно вспомнить о событиях французской истории XIV — XV вв. — о прекращении основной линии Капетингов; о претензиях английских королей на французский престол, поддержанных во время Столетней войны частью элит Франции; о гражданских войнах между королем и его могущественными вассалами, такими, как герцог Бургундский, — чтобы убедиться, насколько реальные возможности французских монархов воплощать свою волю в закон, обязательный для всех подданных, были далеки от провозглашаемых легистами принципов. Соответственно апелляция к нормам римского права, закреплявшим в древности за императором практически неограниченную власть, в исторических условиях Франции XIV — XV вв. никоим образом не могла предполагать реального наделения короля столь же безбрежными полномочиями, а скорее имела вполне конкретную и гораздо более скромную цель — обеспечить французскому мо-

⁹⁴ "Самодержавие... в дореволюционной России: неограниченная верховная власть царя, а также система, основанная на такой власти". — Ожегов С.И. Словарь русского языка (1-е изд. — 1949). М., 1973. С. 639.

⁹⁵ См.: Krynen J. Droit romain et Etat monarchique. A propos du cas français // Représentation, pouvoir et royauté à la fin du Moyen Âge. P., 1995.

нарху всю полноту верховной власти в его собственных владениях. Выводимый из римского права принцип *Rex Franciae in regno suo princeps est* (Король Франции — император в своем королевстве) использовался легистами для обоснования “абсолютного” характера власти французского монарха, что собственно означало независимость во внешней политике от Папы и от императора Священной Римской империи, претендовавших тогда на главенство в христианском мире, а во внутренней — право на *imperium*, высшую власть в государстве⁹⁶.

Однако признание за королем абсолютной власти никоим образом не означало наличия у него власти неограниченной, которую он мог бы использовать по собственному произволу. Обратимся к мнению Клода Сейсселя (1450/55 — 1520), одного из наиболее авторитетных в XVI в. специалистов в данной области права. Этот выходец из Савойи, долгое время преподававший юриспруденцию в Туринском университете, с 1492 г. находился на службе у французских королей Карла VIII и Людовика XII. После воцарения Франциска I (1515) Сейссель ушел в отставку, избрав духовную карьеру, но перед этим написал для молодого короля сочинение “Великая монархия Франции”, где изложил основные принципы устройства и функционирования государства. Докладывая преимущества единоличной власти, Сейссель, тем не менее, подчеркивал: “Абсолютная власть государя и монарха, каковая при неразумном использовании называется тиранией, является ограниченной и упорядоченной (*réduite à civilité*)”⁹⁷. В представлении Сейсселя, такие ограничения имеют моральный характер (религиозные заповеди), правовой (законы) и институциональный (суверенные суды — Парламент и Счетная палата). Причем суверенные суды, подчеркивал он, “специально созданы для этой цели — ограничивать абсолютную власть, которой хотели бы пользоваться государи”⁹⁸.

Мнение Сейсселя о правомерности подобной функции суверенных судов не разделялось другими, более поздними идеологами французского абсолютизма. Однако никто из них не ставил под сомнение сам принцип необходимости существования ограниченной для королевской власти.

Чаще всего в роли такого ограничителя выступала религия. Моральные требования, предъявляемые ею к монарху, носили в эпоху Старого порядка вполне реальный и достаточно действен-

⁹⁶ Подробнее см.: *Krynen J. L'Empire du roi. Idées et croyance politiques en France XIIIe — XVe siècle. P., 1993.*

⁹⁷ *Seysssel Cl. La Grant Monarchie de France. P., 1519. Цит. по: Richet D. La France moderne: l'esprit des institutions. P., 1973. P. 44.*

⁹⁸ *Ibid. P. 45.* О взглядах К. Сейсселя см. также: *Малов В.Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // ФЕ 2005. М., 2005. С. 116 — 117.*

ный характер; они еще не превратились всего лишь в благие и мало к чему обязывающие пожелания, как это произойдет позднее, вместе с секуляризацией общественного сознания. При коронации французский король давал клятву защищать христианскую религию, а потому откровенное нарушение им традиционных норм морали — в своей основе христианской — было чревато утратой им легитимности. Даже те идеологи монархии, кто считал короля стоящим выше земных законов (а это мнение, как мы увидим, разделяли далеко не все), полагали, что он *обязан* согласовывать свои действия с требованиями высшей справедливости. Именно об этом счел необходимым напомнить Франциску I президент Парламента Гийар в 1527 г.: "Мы не собираемся ставить под сомнение или оспаривать вашу власть ... Но мы хотим сказать, что вы не желаете или что вы не должны желать всего того, что можете, ведь только в этом заключаются здравый смысл и благоразумие, которые есть нечто иное, как справедливость"⁹⁹.

Знаменитый гуманист и правовед Жан Боден (1530 — 1596), изложивший в трактате "Шесть книг о Государстве" (1576) учение о суверенитете, которое в историографической традиции справедливо считается краеугольным камнем теории абсолютизма, также признавал существование установленных свыше законов, ограничивавших власть короля.

Суверенитет, согласно Бодену, это высшая власть в государстве. Одним из главных ее признаков является неделимость: "Ведь тот, кто имеет право устанавливать для всех законы, иначе говоря, приказывать или запрещать что-либо по своему усмотрению, таким образом, что никто не вправе ему возражать или противиться его распоряжениям, не разрешит никому другому заключать мир, объявлять войну, собирать налоги, принимать присягу и почести"¹⁰⁰. В зависимости от того, кому принадлежит суверенитет — всему народу, его части или одному человеку, — государства делятся на демократии, аристократии и монархии. Определяющий признак монархии как формы правления — принадлежность "абсолютного суверенитета" одному-единственному лицу, государю¹⁰¹.

Однако в зависимости от способа применения этой единоличной власти Боден делит все монархии на три вида: королевские, сеньориальные и тиранические: "Королевская или легитимная монархия — это та, где подданные подчиняются законам монарха, а монарх — естественным законам (*lois de nature*), обеспечивающим естественную свободу и неприкосновенность собственности подданных. Сеньориальная монархия — та, где государь, став силой

⁹⁹ Цит. по: *Knecht R. François I and the "Lit de justice": A "legend" defended // French History. 1993. N 1. P. 81. Курсив мой. — А.Ч.*

¹⁰⁰ *Bodin J. Les six livres de la République (1576). P., 1986. Livre 2. P. 26.*

¹⁰¹ *Ibid. P. 7, 31.*

оружия и в честной войне повелителем над собственностью и людьми, управляет подданными, как отец семейства своими рабами. Тираническая монархия — та, где монарх, попирая естественные законы, обращается со свободными людьми как с рабами, а с их собственностью, как со своей"¹⁰².

Таким образом, если в классификации Бодена граница между сеньориальной монархией и тиранией представляется довольно размытой¹⁰³, то между ними двумя, с одной стороны, и королевской монархией — с другой, она, напротив, весьма четкая. Главным отличием королевской или легитимной монархии от остальных является соблюдение государем "естественных законов", которые определяют границы его власти, не распространяющейся на сферу личных свобод его подданных и на их собственность.

Представления о существовании некоего "естественного закона" сложились еще в античности. Его классическое определение дал Цицерон: "Истинный закон — разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга, приказывая ... На все народы в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон, причем будет один общий как бы наставник и повелитель всех людей — Бог, создатель, судья, автор закона"¹⁰⁴. В средние века идея "естественного закона" получила развитие в томистской теологии. Таким образом, применяя данное понятие, Боден опирался на давнюю традицию западноевропейской общественной мысли, однако, в отличие, например, от Цицерона, придавал ему более конкретный смысл, трактуя как прямой запрет государю "королевской или легитимной монархии" посягать на личную свободу и собственность подданных. Ну а поскольку Францию Боден считал именно "королевской монархией", власть французского государя, согласно этой теории, отнюдь не представлялась неограниченной. В отличие, кстати, от власти царя "Московии", которую Боден относил к "сеньориальным монархиям", ибо там "подданные называются холопами (Chlopes), то есть рабами"¹⁰⁵.

¹⁰² Ibid. P. 34 — 35.

¹⁰³ Война, согласно Бодену, может стать источником власти не только для сеньориального монарха, но и для тирана: "Государь, который путем войны или другими несправедливыми средствами превратил свободных людей в рабов и лишил их имущества, является не сеньориальным монархом, а тираном" (Ibid. P. 36). Иначе говоря, различие между первым и вторым зависит лишь от такого субъективного и амбивалентного фактора, как признание завоевательной войны либо "честной" (bonne), либо "несправедливой" (injuste).

¹⁰⁴ Цицерон. О государстве. III. XXII. 33 // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966. С. 64.

¹⁰⁵ Bodin J. Op. cit. Livre 2. P. 37. О правовых взглядах Ж. Бодена см. также: Малов В.Н. Три этапа и два пути... С. 117 — 119.

Другие специалисты по французскому праву, современники Бодена, полагали, что власть короля ограничена не только установленными свыше "естественными законами", но и вполне конкретными нормами позитивного права, имманентно присущими французской "конституции", то есть государственному устройству страны. В 1586 г. президент Парижского парламента Ашиль де Гарлей (Harlay) так объяснял это Генриху III: "У нас, Сир, есть два вида законов: один — законы и ордонансы короля, другой — ордонансы королевства, неизменные и нерушимые, в соответствии с которыми вы взошли на королевский трон. Таким образом, вы должны соблюдать законы королевства, которые нельзя нарушить, не поставив под сомнение вашу власть"¹⁰⁶. Именно с 80-х годов XVI в. тезис о существовании подобных нерушимых "законов королевства", называемых также "фундаментальными", получил во французской правовой мысли широкое распространение и в дальнейшем, до самого конца Старого порядка, воспринимался как непреложная истина. Правда, поскольку "фундаментальные законы" как таковые никогда официально не формулировались¹⁰⁷, относительно их числа и содержания не было единства мнений ни среди специалистов по обычному праву, ни позднее — среди историков: одни насчитывали их не больше двух, другие доводили их число до пяти. Однако все соглашались с тем, что "фундаментальными законами" бесспорно можно признать, как минимум, "салический" порядок наследования короны и запрет на отчуждение королевского домена¹⁰⁸.

Не останавливаясь на теоретиках абсолютизма первой половины XVII в., являвшихся, по оценке французского историка Д. Рише, во многом интерпретаторами и эпигонами Бодена¹⁰⁹, сразу перейду к взглядам Жака-Бениня де Боссюэ (1627 — 1704) — пожалуй, последнего крупного идеолога абсолютной монархии во Франции. Знаменитый проповедник, историк и теолог, епископ Боссюэ был в 1670 — 1680 гг. воспитателем дофина, для которого написал своего рода инструкцию по управлению государством — трактат "Политика, извлеченная из Священного Писания".

Признавая королей наместниками (*gouverneurs*) Бога на земле, Боссюэ был убежден, что они должны обладать в своих государст-

¹⁰⁶ Цит. по: *Cosandey F., Descimon R. L'absolutisme en France. P., 2002. P. 56.*

¹⁰⁷ "При кутюмном (обычном) праве трудность состояла в том, чтобы определить, какая норма является фундаментальной, какая нет. В разные периоды при решении разных конкретных проблем некоторые корпорации либо общественные группы пытались объявить фундаментальными те нормы, которые признавались не всеми... На самом же деле фундаментальными следует считать лишь законы, основанные на прецеденте, принимаемые традицией и опирающиеся на общий консенсус". — *Richet D. Op. cit. P. 46 — 47.*

¹⁰⁸ Подробнее см.: *Ibid. P. 46 — 54; Cosandey F., Descimon R. Op. cit. P. 55 — 62.*

¹⁰⁹ *Richet D. Op. cit. P. 45.* Подробнее о взглядах некоторых из них см.: *Малов В.Н. Три этапа и два пути... С. 119 — 125.*

вах абсолютной властью. В его понимании, абсолютный характер власти монарха состоял в следующем: "Государь ни перед кем не должен отчитываться за свои распоряжения"; "Когда государь выносит приговор, других приговоров быть не может"¹¹⁰; "Не может существовать иной силы принуждения (*force coactive*, от лат. *coactio* — принуждать. — А.Ч.), кроме силы государя"¹¹¹.

Иными словами, абсолютному монарху, согласно Боссюэ, принадлежала вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти в стране. Вместе с тем, это отнюдь не означало, что король обладал неограниченной властью. Словно отвечая упомянутым нами историкам, Боссюэ писал: "Королевская власть абсолютна. Дабы сделать это понятие одиозным и недопустимым, некоторые нарочито смешивают абсолютное правление с самовластным (*arbitraire*). Но нет ничего более непохожего одно на другое..."¹¹²

По количеству предусмотренных для монарха ограничений Боссюэ оставляет Бодена далеко позади себя. Уже сама по себе характеристика, данная Боссюэ королевской власти, содержит указание на пределы ее применения: "Существуют четыре основные черты или качества королевской власти. Во-первых, она священна; во-вторых, носит отеческий характер; в-третьих, абсолютна; в-четвертых, *подчинена разуму*"¹¹³. Под разумом Боссюэ имеет в виду не только присущее людям здравомыслие ("управление — это труд, требующий разума и соображения"¹¹⁴), но и промысел Божий, нашедший воплощение в "естественном законе": "Все законы основываются на главном из них — на законе природы, так сказать, на здравом смысле и естественной справедливости"¹¹⁵.

Видя, подобно Бодену, в установленном свыше "естественном законе" действенный ограничитель применения монархом своей власти, Боссюэ, однако, идет еще дальше, утверждая, что ее "абсолютный" характер отнюдь не освобождает королей и от соблюдения норм позитивного права¹¹⁶. Причем, речь идет не только о "фундаментальных законах", менять которые не могут даже короли¹¹⁷, но и обо всех существующих в обществе правовых нормах:

¹¹⁰ Bossuet J.B. *Politique tirée de propres paroles de l'Écriture Sainte*. IV. I. 1 — 2 // *Œuvres de Bossuet*. P., 1866. T. 1. P. 333 — 334.

¹¹¹ "Принудительной силой называется власть проводить в жизнь и исполнять законно принятые решения. Одному только государю принадлежит право выносить законные решения; ему же одному принадлежит и принудительная сила". — *Ibid.* IV. I. 3.

¹¹² *Ibid.* IV. I. P. 333.

¹¹³ *Ibid.* III. I. 1. P. 322. Курсив мой. — А.Ч.

¹¹⁴ *Ibid.* V. I. 1. P. 342.

¹¹⁵ *Ibid.* I. IV. 2. P. 307.

¹¹⁶ *Ibid.* IV. I. 4. P. 335.

¹¹⁷ «Это прежде всего о них, о фундаментальных законах написано, что, когда их нарушают, "все основания земли колеблются" (Пс. 81. 5), после чего империи не могут не пасть». — *Ibid.* I. IV. 8.

“Короли, таким образом, подчиняются, как и все остальные люди, справедливости законов, и потому, что сами должны быть справедливыми, и потому, что должны подавать народу пример соблюдения законности; однако они не могут подвергаться предусмотренным законами наказаниям; то есть они, говоря языком теологии, подчиняются законам не как власти принудительной (*puissance coactive*), а как власти указующей (*puissance directive*)”¹¹⁸.

На первый взгляд может показаться, что данное положение носит исключительно декларативный характер и ни к чему реально монарха не обязывает, поскольку именно он и является творцом тех законов (кроме “фундаментальных”), подчинения которым от него требуют. Разве не может принять он по собственному произволу такие законы, соблюдение которых его потом ни в чем бы не стесняло? Оказывается, нет. Во всяком случае, по мнению Боссюэ. Перечисляя *обязанности* государя (характерно, что перечень их значительно превосходит по объему перечень королевских полномочий), Боссюэ подчеркивает: “Цель управления — благо и сохранение государства. Чтобы его сохранить, надо в первую очередь поддерживать в нем правильное устройство (*constitution*)... Правильное устройство государственного организма обеспечивают две вещи — религия и законность (*justice*)”¹¹⁹. Причем, и сама законность имеет в своей основе присущее религии представление о высшей справедливости: “При справедливым Боге, нет места сугубо произвольной власти”¹²⁰.

Таким образом, в представлении Боссюэ, признание королей наместниками Бога на земле не только служило оправданием “абсолютного” характера их власти, но и налагало на них строгие обязательства: “Они получили власть свыше, а потому... не должны думать, что вольны распоряжаться ею по своей прихоти; они обязаны использовать ее со смирением и сдержанностью, как вещь, которую получили от Бога и за которую им придется дать Богу ответ”¹²¹.

Государь, по мнению Боссюэ, не может иметь интереса, отличного от интереса своих подданных; правильно организованное управление (*gouvernement réglé*) должно иметь целью, прежде всего,

¹¹⁸ Ibid. IV. I. 4. P. 336.

¹¹⁹ Ibid. VII. I. P. 383 — 384. Я перевожу здесь *justice* как “законность”, а не как “справедливость”, чтобы не смешивать его с понятием *équité*, которое тоже переводится на русский язык как “справедливость”. С определенной долей условности, можно сказать, что у Боссюэ понятие *équité* означает справедливость, установленную свыше, а *justice* — справедливость, воплощенную в закон, то есть собственно “законность”.

¹²⁰ Ibid. VIII. I. 4. P. 415 — 416.

¹²¹ Ibid. III. II. 4. P. 324.

защиту их прав¹²². В противном случае монарх превращается в тирана: "Истинное призвание государя — заботиться о нуждах народа, тогда как тиран думает только о себе"¹²³.

Антиподом "упорядоченному государству" (*État policé*) для Боссюэ является уже упоминавшееся "самовластное правление", которое он подробно характеризует, чтобы показать различие двух типов власти:

"У людей встречается и такой вид правления, который называют самовластным, но которого не встретит в наших полностью упорядоченных государствах. Для подобного вида правления характерны четыре особенности. Во-первых, подданные являются там рабами от рождения, так сказать настоящими сервами, и среди них нет свободных людей. Во-вторых, там ни у кого нет права собственности; все достояние принадлежит государю, и не существует права наследования, даже от отца к сыну. В третьих, государь имеет право распоряжаться по своей прихоти не только имуществом, но и жизнью подданных, как поступают с рабами. И наконец, в-четвертых, там нет другого закона, кроме его воли... Эти четыре особенности весьма далеки от наших нравов; а потому самовластное правление не имеет у нас места. Абсолютное правление не то же самое, что самовластное. Оно абсолютно в том, что касается внешнего принуждения; нет никакой силы, способной принудить государя, который в этом смысле независим от любой человеческой власти"¹²⁴.

В отличие от Бодена, утверждавшего в трактате "Шесть книг о Государстве", что подданным лучше проявлять смирение, даже если монарх нарушает "естественные законы"¹²⁵, Боссюэ фактически допускал право подданных на сопротивление власти, нарушающей их права. Причем, формально он, казалось бы, строго следовал за своим предшественником, заявляя, что "подданные не должны противиться насилию со стороны государя, кроме как, не бунтуя и не ропща, почтительными ремонстрациями и просьбами изменить его поведение"¹²⁶. Однако, по сути, учение Боссюэ содержало достаточно предпосылок и для более радикальных выводов.

Так, из тезиса о том, что короли служат заместителями Бога на земле, он выводил положение об иерархии правовых норм, освобождавшее человека от обязанности подчинения монарху, если распоряжения последнего противоречат установленным свыше законам: "Точно так же, как не надо подчиняться заместителю, ес-

¹²² Ibid. I. III. 5. P. 306; I. IV. 6. P. 308.

¹²³ Ibid. III. III. 5. P. 327.

¹²⁴ Ibid. VIII. II. 1. P. 417.

¹²⁵ Правда, сам Боден своему призыву не последовал и в 1589 г. поддержал противников Генриха III, оправдывая это тем, что "король превратился в тирана".

¹²⁶ Bossuet J.B. Op. cit. VI. II. 6. P. 379.

ли он действует вразрез с приказами короля, тем более не надо подчиняться королю, если он нарушает приказы Бога"¹²⁷. Если же вспомнить, что, согласно Боссюэ, религия должна быть основой законности, то при подобном подходе любое серьезное нарушение норм права могло бы быть расценено как "нарушение приказов Бога".

Кроме неподчинения со стороны подданных, сочинение Боссюэ изобилует обещаниями и других кар не только тирану, но и просто нерадивому монарху: "Все зло, которое грабители причинят его людям, пока он, покинув тех, предается своим удовольствиям, падет на его голову"; "Государь, бесполезный для блага народа, будет наказан так же, как тиран, который этот народ тиранит"¹²⁸. И если содержащаяся в этих пассажах угроза выглядит еще не слишком определенно, то в следующем она более чем конкретна: «Государь, пробудивший своими насилиями ненависть к себе, постоянно находится на волосок от смерти. В нем видят не человека, а свирепого зверя. "Как рыкающий лев и голодный медведь, так нечестивый властелин над бедным народом" (Прит. 28, 15)»¹²⁹.

Заметим, это пишет не какой-нибудь оппозиционный публицист, анонимный автор "мазаринады" периода Фронды, а один из ближайших сподвижников Людовика XIV — короля, чье правление историки традиционно считают временем наивысшего расцвета абсолютизма. Тем не менее нарисованный Боссюэ идеал абсолютной монархии не только не имеет ничего общего с неограниченной властью, но и прямо противопоставлен ей автором.

Любопытно, что идеи Боссюэ о принципиальном отличии французской монархии от "самовластного правления" оказываются во многом близки взглядам его младшего современника Шарля Луи де Монтескье (1689—1755), которого отнюдь нельзя отнести к числу апологетов абсолютизма. Классифицируя все государства по трем видам правления — республика, монархия и деспотизм, Монтескье наделял последний практически теми же самыми признаками, которые Боссюэ находил у "самовластного правления". Если монархией, согласно Монтескье, "управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов", то при деспотизме "все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица"¹³⁰; если "в хорошо управляемых монархиях почти всякий человек является хорошим гражданином", то при деспотизме "все люди рабы"¹³¹; если при монархическом правлении право собственности гарантировано законом, то при деспотическом "личность не имеет обеспеченного имущества" и даже

¹²⁷ Ibid. VI. II. 2. P. 376.

¹²⁸ Ibid. III. III. 5—6. P. 328.

¹²⁹ Ibid. III. III. 14. P. 333.

¹³⁰ Монтескье Ш.Л. О духе законов. II. 1. М., 1999. С. 17.

¹³¹ Там же. III. 7—8. С. 31—32.

случается, что "государь объявляет себя собственником всех земель и наследником всех своих подданных"¹³².

Однако в отличие от Боссюэ, избегавшего упоминать конкретные страны, где существует самовластье¹³³, Монтескье, рассуждая о деспотизме, прямо называл государства, где такое правление существует. К их числу он, кстати, относил и Россию, из истории которой постоянно черпал примеры, иллюстрирующие особенности деспотической власти¹³⁴.

Францию же Монтескье деспотическим государством не считал, хотя и относился достаточно критически к существовавшему в ней порядку. Французское королевство, по его мнению, являло собой классический образец монархии, где власть государя имеет институциональные и правовые ограничения. Что касается последних, то именно управление в соответствии с нормами права и служило для Монтескье отличительной чертой данного вида государственного устройства, где "все определяет и сдерживает сила законов"¹³⁵. В свою очередь, соблюдение законов, отмечал он, контролируют особые учреждения — "политические коллегии" (Монтескье обозначает этим эвфемизмом парламенты), которые вместе с "посредствующими властями" (сословными институтами) фактически выступают институциональными ограничителями королевской власти¹³⁶. Как видим, крупнейший политический мыслитель французского Просвещения оказался полностью солидарен с ведущими идеологами абсолютной монархии в отрицании неограниченного характера власти французского короля.

А как же знаменитые слова "государство — это я!", якобы произнесенные Людовиком XIV на заседании Парижского парламента 13 апреля 1655 г.? Увы, данное высказывание, цитируемое бесконечной чередой авторов в подтверждение претензий французских монархов на неограниченную ("самодержавную") власть, есть не что иное, как апокриф. Вот мнение на сей счет видного французского историка, автора новейшего биографического исследования о "короле-солнце", Ф. Блюша: "Хотя так и не удалось найти того, кто придумал эти слова сумасшедшего тирана, на протяжении почти трех столетий невежды приписывали их Людовику XIV... В этом фрагменте черной легенды нет ничего достоверного"¹³⁷.

¹³² Там же. V. 9, 14—15. С. 56, 60—64.

¹³³ "Вот что называется самовластным правлением. Я не хочу рассматривать, законно оно или нет. Есть народы и огромные империи, которых оно устраивает, и мы не должны их смущать относительно их формы правления. Довольствуемся тем, что скажем: оно варварское и одиозное". — *Bossuet J.B. Op. cit. VIII. ll. 1. P. 417.*

¹³⁴ См., например: *Монтескье Ш.А. Указ. соч. V. 14. С. 59—62* и др.

¹³⁵ Там же. III. 3. С. 27.

¹³⁶ Там же. II. 4. С. 23—25.

¹³⁷ *Bluche F. Louis XIV vous parle. Mots et anecdotes. P., 1988. P. 239.*

Действительно, ни один из источников не содержит ни малейшего намека на подобный факт. Хотя юный Людовик и в самом деле был очень недоволен намерением парламента вновь вернуться к обсуждению зарегистрированных накануне налоговых эдиктов, его слова, обращенные к судьям и занесенные в парламентские регистры, звучали следующим образом: "Господа, каждый знает о несчастьях, вызванных собраниями членов парламента (имеется в виду Фронда. — А.Ч.). Я намерен впредь этого не допускать, а потому требую прекратить обсуждение внесенных мною эдиктов, каковые я хочу видеть исполненными. Господин первый президент, я вам запрещаю терпеть подобные собрания, и пусть ни один из вас об их созыве не просит". После чего король, как отмечает секретарь, "тут же удалился". Существует и другой, независимый источник, повествующий об этом заседании, — дневник одного из парижских буржуа. Но и там нет ни слова о претензии юного монарха на отождествление себя с государством¹³⁸.

"Король-солнце" не только никогда не произносил знаменитой фразы, но и более того, как считает Ф. Блюш, "не смог бы это сделать по той простой причине, что никогда так не думал, даже будучи в зените своего могущества и славы. Он будет считать себя слугой государства, отдаст ему всего себя, возможно, он будет думать, что является основной опорой государства. Но ни в коей мере он не будет считать, что воплощает государство"¹³⁹.

Добавим также, что не только Людовик XIV, но и никто другой из французских королей эпохи Старого порядка не мог предъявить подобных претензий, поскольку неотъемлемым элементом доктрины французского абсолютизма было признание государем "совершенно конкретных ограничений его власти традиционными правами и привилегиями корпораций, то есть разнообразных формальных групп подданных"¹⁴⁰.

* * *

Многочисленные и разнообразные ограничения власти французского короля не только признавались в теории, но и существовали на практике. Более того, на деле их оказывалось даже больше, чем перечислялось в вышеупомянутых трактатах. Рассмотрим некоторые из них.

Правовые ограничения, налагаемые на короля фундаментальными законами, носили вполне реальный характер. Так, в соответствии с "салическим" порядком наследования, французская коро-

¹³⁸ Цит. по: *Vonglis B. L'État c'était bien lui. Essai sur la Monarchie absolue.* P. 1997. P. 21 – 22.

¹³⁹ Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1999. С. 93.

¹⁴⁰ Колосов Н.Е. Абсолютная монархия во Франции // ВИ. 1989. № 1. С. 44.

на передавалась по мужской линии в соответствии с принципом первородства: от отца к рожденному в браке сыну, при отсутствии у короля сыновей — к следующему по старшинству из его братьев, при отсутствии таковых — к первому из принцев крови. Сколь бы напряженными и даже враждебными ни были отношения между монархом и дофином, король не мог лишить наследника права на корону. В царствование Людовика XIII, например, Гастон Орлеанский участвовал едва ли не во всех затевавшихся тогда государственных заговорах против политики его царственного брата и даже эмигрировал из-за несогласия с ней, однако при этом по-прежнему был дофином. Королю ничего не оставалось, как терпеть его происки и надеяться на рождение сына, после чего коварный брат автоматически терял право на престол.

Если попытки нарушить подобный порядок наследования иногда все же имели место, то их полный крах лишней раз подтверждает действительность и прочность данного правового института. Так, в 1593 г., когда члены Католической лиги, не желая видеть королем протестанта Генриха IV, попытались возвести на французский престол испанскую инфанту Клар-Изабель-Евгению, родную племянницу покойного Генриха III, Парижский парламент этому решительно воспротивился, издав особое постановление, где подчеркивалось: "салический" порядок наследования является фундаментальным законом и не подлежит изменению.

Еще более показателен пример Людовика XIV. Потеряв на протяжении короткого периода времени большинство прямых преемников — сына и двух внуков, он июльским эдиктом 1714 г. включил в число возможных наследников короны своих побочных сыновей — герцога Мэнского и графа Тулузского, а 23 мая 1715 г. приравнял их к принцам крови. То и другое было явным нарушением традиционного порядка престолонаследия. Кроме того, согласно завещанию монарха, оба новоиспеченных принца должны были войти в Регентский совет при малолетнем Людовике XV. Однако уже 2 сентября 1715 г., на другой день после смерти Людовика XIV, его завещание было фактически кассировано Парижским парламентом, который разрешил герцогу Филиппу Орлеанскому формировать Регентский совет по собственному усмотрению, не считаясь с волей покойного короля. Оба бастарда в Совет не попали, а два года спустя (2 июля 1717 г.) их официально лишили и права наследования. Таким образом, изменить фундаментальные законы королевства оказалось не по силам даже Людовику Великому, наиболее могущественному из французских монархов Старого порядка.

Французским королям не приходилось и мечтать о возможностях русских самодержцев, которые только в XVIII в. дважды меняли порядок престолонаследия. Причем на протяжении большей части столетия в России действовал принятый Петром I закон от 5 февраля 1722 г., согласно которому император назначал себе

преемника по собственному усмотрению, и только в конце века Павел I установил порядок, схожий с "салическим".

Французским королям не приходилось равняться с русскими самодержцами и в том, что касалось распоряжения коронными владениями. Если в России раздача царями государственных земель в частную собственность приближенным являлась обычной практикой, то во Франции фундаментальный закон о неотчуждаемости королевского домена лишал государя такой возможности.

Помимо фундаментальных законов, значение которых для ограничения свободы действий монарха признавалось практически всеми теоретиками юриспруденции Старого порядка, *де факто* существовали и другие, менее заметные, но не менее эффективные правовые "ограничители" королевской воли, в частности кутюмное (обычное) право. Хотя теоретически король и считался единственным источником позитивного права, на деле он был лишь одним из таковых: фактически во Франции имел место ярко выраженный юридический плюрализм. Вот как описывал его французский историк и правовед XVI в. Этьен Паскье (1529–1615): "Существующее право во Франции покоится на четырех опорах: королевские ордонансы, разнообразные кутюмы провинций, общие постановления суверенных судов и некоторые моральные положения, которые утвердились у нас в результате давнего и продолжительного использования и которыми мы обязаны римлянам"¹⁴¹. Причем соотношение указанных правовых систем было далеко не симметричным. Подданным французского монарха гораздо чаще приходилось иметь дело с местными кутюмами, регулировавшими все то многообразие отношений, которые возникали между отдельными лицами в повседневной жизни по самым разным поводам, нежели с королевскими ордонансами общегосударственного значения.

Теоретически король как носитель высшей власти в стране обладал полномочиями и возможностью вносить, по своему усмотрению, необходимые ему изменения в обычное право. Однако на практике эта задача представлялась трудновыполнимой. Французское королевство складывалось на протяжении нескольких столетий путем присоединения разных земель, каждая из которых имела свое, исторически сложившееся обычное право и, как правило, сохраняла его, даже входя в состав единого государства. Соответственно в юридическом плане страна походила на пестрое лоскутное одеяло. Далеко не везде существовало писаное право, тем более оно мало где было систематизировано. Поэтому прежде чем приступить к унификации правовых норм, центральной власти предстояло их кодифицировать. Грандиозная работа по кодификации и унификации права началась еще в

¹⁴¹ Pasquier E. Recherches de la France (1587). — Цит. по: Cosandey F., Descimon R. Op. cit. P. 51.

XVI в., но до конца Старого порядка завершить ее так и не удалось¹⁴². Хотя она была отнюдь не бесплодной и ее материальным результатом стали многочисленные объемистые сборники кутюмов разных провинций, этот промежуточный результат наглядно демонстрировал, сколь далека еще конечная цель — единое право для всей страны. Вот что писал об этом П.Н. Ардашев, крупнейший специалист в дореволюционной России по истории французского Старого порядка: «"Кутюмы", то есть гражданские кодексы обычного права — а в дореволюционной Франции насчитывалось до трехсот различных "кутюмов", — различались не только между различными областями, но иногда между двумя соседними городами или селениями одной и той же области; мало того, различные кварталы одного и того же города или селения не всегда жили под одним и тем же юридическим режимом»¹⁴³. Любопытно, что еще в конце 80-х годов XVIII в. видный правовед Ж.Э.М. Порталис (в будущем один из создателей Кодекса Наполеона) считал несбыточной мечту о том, что Франция когда-нибудь обретет единое для всей страны законодательство¹⁴⁴.

При такой неоднородности правового поля нельзя было рассчитывать и на единообразное применение по всей территории государства издаваемых королем законов. «Известно, — писал в 1783 г. один из бретонских администраторов, — до какой степени корпоративные учреждения привержены ко всему, что называется обычаем; в тысяче случаев обычай заступает место закона и часто бывает даже сильнее последнего»¹⁴⁵. Принимаемые центральной властью решения, как правило, исполнялись на местах лишь в той степени, в какой они не противоречили локальному обычаю, а то и вовсе могли саботироваться. Приводя весьма красноречивые примеры того, как это происходило на практике, П.Н. Ардашев замечает: «Между законодательной нормой и конкретной действительностью, между текстом регламента и административной практикой при старом порядке лежит целая пропасть»¹⁴⁶. Кутюмы играли роль своего рода амортизационной "подушки", ослаблявшей и даже гасившей импульсы, идущие от центра государства к периферии, и тем самым выступали эффективным правовым "ограничителем" королевской власти.

Так же *de facto* во Франции существовали и вполне реальные институциональные ограничения власти государя. Хотя в теории король был единственным носителем суверенитета, а все осталь-

¹⁴² Об основных ее этапах см.: *Richet D.* Op. cit. P. 34–36; *Cosandey F., Descimon R.* Op. cit. P. 52–55.

¹⁴³ *Ардашев П.Н.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774–1789. СПб., 1900. Т. 1. С. 99–100.

¹⁴⁴ Там же. С. 97.

¹⁴⁵ Там же. С. 111.

¹⁴⁶ Там же. С. 107.

ные государственные органы обладали лишь теми полномочиями, которыми их наделил монарх, на практике некоторые из государственных институтов имели настолько высокую степень автономии, что могли в определенных случаях препятствовать проведению в жизнь решений короля.

Речь идет, прежде всего, о суверенных судах, к числу которых относились парламенты, Большой совет, счетные и налоговые палаты (в отечественной исторической литературе последние нередко называют также "палатами косвенных сборов")¹⁴⁷. Всего к концу Старого порядка во Франции насчитывалось 13 парламентов и 4 аналогичных им по своим полномочиям верховных суда, 15 счетных и 10 налоговых палат. Отпочковавшиеся в разное время от центрального государственного аппарата, они постепенно оказались достаточно независимы от короны. Во многом это определялось тем, что с XVI в. государство продавало судебские должности, которые, таким образом, становились частной собственностью тех, кто их купил. Даже король не мог сместить оффисье — владельца такой должности — с его поста без выплаты ему стоимости должности.

Суверенные суды и, прежде всего, парламенты обладали не только широкими полномочиями в сфере правосудия, но имели возможность оказывать реальное влияние и на процесс законодательства. Любой закон получал силу только после регистрации его парламентами, что фактически давало им право вето. Нередко они регистрировали закон с поправками, существенно менявшими его содержание. Для преодоления сопротивления парламентов центральная власть использовала такое чрезвычайное средство, как королевское заседание: в присутствии государя закон подлежал регистрации без возражений. Однако нередко случалось, что и после королевского заседания парламент выступал с протестом против принудительной регистрации закона и считал себя вправе этот закон игнорировать.

Суверенным судам подчинялись и многочисленные местные органы юстиции. Оффисье всех этих судебных учреждений составляли особый социальный слой, характеризовавшийся ярко выраженной корпоративной солидарностью и стремлением к кастовой замкнутости. Судейские даже претендовали на роль особого сословия, стоящего на страже законности и старались препятствовать любым попыткам отхода королевской власти от сложившегося порядка управления.

Продолжавшийся, то затихая, то вновь обостряясь, на протяжении практически всей истории Старого порядка конфликт ме-

¹⁴⁷ Подробнее о суверенных судах см., например: *Аргашев П.Н.* Указ. соч. Гл. 7; *Малов В.Н.* Ж.Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991; *Цатурова С.К.* Офицеры власти. Парижский парламент в первой трети XV века. М., 2002.

ЖАУ короной и традиционными судебными учреждениями получила широкое освещение в научной литературе, в том числе отечественной¹⁴⁸, что позволяет не останавливаться здесь подробно на данном сюжете. Замечу лишь, что, по мнению ряда современных исследователей, определяющей особенностью развития французской государственности в целом на протяжении XVII—XVIII вв. было стремление монархии к освобождению от контроля традиционных институтов, в первую очередь суверенных судов, и к созданию централизованного административного аппарата (то есть собственно бюрократии), который позволил бы наиболее эффективно и безболезненно провести модернизацию общества. Однако эти устремления монархии в полной мере так и не увенчались успехом. «...Новейшие исследования показывают, что было бы ошибкой преувеличивать степень "абсолютности" монархии Людовика XIV и ее разрыв с предшествующей традицией, как ошибочно было бы недооценивать и значение совершившегося в XVII в. перехода от раннего к зрелому абсолютизму. Абсолютизм Бурбонов до самого конца своего существования носил черты незавершенности, и, возможно, объяснением этому отчасти служит незавершенность вычленения высшей бюрократии, его непосредственной опоры, из среды магистратов верховных судов»¹⁴⁹.

Именно неудача предпринятых королями усилий реально, а не только в теории, сосредоточить в своих руках всю полноту государственной власти, значительная часть которой *де факто* принадлежала традиционному аппарату судебных должностных лиц, и обусловила в дальнейшем крах попыток монархии по модернизации общества. Об этом свидетельствуют не только более чем скромные результаты преобразований, проводившихся Ж.Б. Кольбером в царствование Людовика XIV, но также история большинства реформаторских начинаний, предпринятых королевской властью в XVIII в.¹⁵⁰ Исходившие от королевских министров Машо д'Арнувиля (1749), Тюрго (1776), Калонна (1786), Ломени де Бриенна (1787) инициативы по более справедливому распределению налогов и обложению привилегированных сословий, по ликвидации цехов и свободной торговле хлебом не были осуществлены именно из-за оп-

¹⁴⁸ См., например: Малов В.Н. Фронда // ВИ. 1986. № 2; Берго И.Б. Идеино-политический конфликт парламентов и абсолютизма в памфлетной войне вокруг судебной реформы Мопу (1970—1974) // ФЕ. 1984. М., 1986; Она же. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции // НиНИ. 1988. № 6; Она же. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749—1776 годах // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология. М., 1988.

¹⁴⁹ Колосов Н.Е. Высшая бюрократия во Франции XVII века. Л., 1990. С. 227.

¹⁵⁰ Малов В.Н. Ж.Б.Кольбер... С. 206-209.

позиции традиционных государственных институтов и сословий, сломить которую правительству оказалось не по силам¹⁵¹.

В некотором роде реакцией на постоянные неудачи реформаторских начинаний короны, встречавших сопротивление традиционных институтов, стала разработка французской политической философией XVIII в. понятия "просвещенного деспотизма". "Его появление, — пишет английский историк Н. Хеншелл, — говорило о потребности в сильном правителе, способном преодолеть чашу привилегий и сепаратизм, руководствуясь высшим законом природы, действующим независимо от того, одобрен он парламентами и штатами или нет"¹⁵². Как мы видели, понятие "деспотизм" ассоциировалось в правовой мысли Франции с ничем не ограниченной властью. Соответственно прозвучавший из уст Вольтера, физиократов и ряда других видных представителей Просвещения призыв использовать именно такую форму правления для беспрепятственного проведения необходимых обществу реформ, свидетельствует о том, что никто из них не считал французскую монархию неограниченной.

Действительно, находившийся в распоряжении французской монархии Старого порядка арсенал средств принуждения на деле был значительно более скромным, чем изображалось в историографии Революции. Поскольку суверенные суды, которым подчинялись также нижестоящие органы правосудия и даже частично полиция, обладали высокой степенью независимости от короны, правительство нередко сталкивалось с серьезными трудностями при попытке использовать судебные репрессии в политических целях. Один из наиболее ярких примеров здесь — процесс над бывшим сюринтендантом финансов Николя Фуке в 1661 — 1664 гг. Ни Кольбер, ни даже сам Людовик XIV не смогли принудить Палату правосудия, назначенную ими же из числа наиболее видных оффисье, к вынесению смертного приговора подсудимому, хотя судьи и подвергались сильнейшему нажиму со стороны правительства¹⁵³. Другой не менее показательный пример — скандальное "дело об ожерелье королевы" в 1786 г., когда, несмотря на откровенно выраженное желание Людовика XVI добиться обвинительного приговора кардиналу де Рогану, Парижский парламент пошел наперекор воле монарха и вообще оправдал подсудимого¹⁵⁴.

¹⁵¹ См., например: *Лебедева Е.И.* Дворянство и налоговые привилегии накануне революции // *Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология; Она же.* Собрания нотаблей кануна Великой французской революции и эволюция политических позиций дворянства // *ФЕ.* 1985. М., 1987.

¹⁵² *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. СПб., 2003. С. 218.

¹⁵³ Подробно см.: *Малов В.Н.* Ж.Б. Кольбер... Гл. 3.

¹⁵⁴ Подробно см.: *Пименова Л.А.* Дело об ожерелье Марии Ангуанетты // *Казус: индивидуальное и уникальное в истории.* 1996. М., 1997. Вып. 1.

Напротив, когда требовалось воспрепятствовать какому-либо из постановлений центральной власти, с которым традиционные органы правосудия не были согласны, парламенты легко могли возбудить судебное преследование против его исполнителей¹⁵⁵. Едва ли такие трибуналы мы, вслед за Н.И. Кареевым, сможем назвать "лишь одним из административных ведомств", мало чем отличающимся от полиции.

Столь же преувеличены и встречающиеся в отечественной историографии Французской революции утверждения о строгости правительственной цензуры при Старом порядке. Впрочем, если судить только по нормативным актам, то такие утверждения могут показаться вполне оправданными, а сама цензура не то что суровой, но и просто жестокой. Вышедшая в апреле 1757 г. королевская декларация угрожала смертной казнью (!) всем издающим "писания, которые содержат нападки на религию, имеют намерения взволновать умы, посягают на наш авторитет и грозят нарушить порядок и спокойствие в наших землях"¹⁵⁶. Однако сами же современники признавали, что подобная угроза, являвшаяся эмоциональной реакцией на имевшую место тремя месяцами ранее попытку Дамьена убить короля, "никого не испугала: все сразу поняли, что такой бесчеловечный закон не будет исполняться"¹⁵⁷.

И действительно, характерный в целом для Старого порядка "разлад между законодательной нормой и конкретной действительностью" (П.Н. Ардашев) в сфере книгопечатания носил почти гротескную форму. Принимая нередко по требованию церкви и парламентов строгие цензурные меры *de jure*, правительство на деле предоставляло издателям достаточно широкую свободу. Средством преодоления подобного противоречия между буквой закона и реальной практикой стал институт "негласных разрешений". В тех случаях, когда запретить какую-либо книгу уже не представлялось возможным, например, из-за ее известности, но которую, не нарушая закона, нельзя было и разрешить официально, власти «стали давать разрешения, не предусмотренные законом, поначалу чисто устные, никак не закрепленные на бумаге, потом — зарегистрированные в завуалированной форме — составлен "список напечатанных за границей произведений, которые разрешено продавать во Франции", куда включены эти получившие негласное разрешение книги»¹⁵⁸.

В конкретном же преломлении этот разрыв между теорией и практикой порой выглядел и вовсе парадоксально. Так, в 1752 г. начальник цензурного ведомства и одновременно большой друг про-

¹⁵⁵ См.: Ардашев П.Н. Указ. соч. С. 110.

¹⁵⁶ См.: Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 59.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же. С. 61.

светителей К.Г. Ламуаньон де Мальзерб издал, по требованию духовенства и судейских чиновников, официальное распоряжение об изъятии у Дидро материалов готовившихся к печати томов "Энциклопедии", после чего уже как частное лицо поехал к философу и взял у него эти бумаги на хранение, чтобы спасти их от конфискации¹⁵⁹.

Справедливости ради заметим, что, несмотря на подобные курьезы, либерализм цензурного ведомства все же имел свои границы. Время от времени авторов и книгоиздателей запрещенной литературы привлекали к ответственности, однако подобные случаи имели место относительно нечасто, а тяжесть наказания была несопоставима с предусмотренной законом. Так, в 1750—1779 гг., когда число осужденных по книжным делам достигло апогея, в год за подобные нарушения попадало в тюрьму в среднем до 13 человек, а срок заключения для авторов обычно составлял чуть более шести месяцев, для издателей — до ста дней. Впрочем, уже в 80-е годы XVIII в. число осужденных за нарушения цензурных запретов заметно пошло на убыль¹⁶⁰.

До сих пор мы говорили в основном об ограничениях центральной власти. Что же касается власти представителей короны на местах — интендантов, то и в их положении мы находим значительные расхождения между теорией и практикой. В принципе полномочия интенданта не ограничивались никакими правовыми нормами. Королевское "поручение", по которому он получал свой пост, составлялось в достаточно общих выражениях и не содержало перечня его должностных прав и обязанностей. Соответственно в сферу ответственности интенданта входило и судопроизводство, и местное управление, и фискальные функции, и хозяйственные вопросы. Однако этот неопределенно широкий *de jure* круг полномочий интенданта на практике серьезно ограничивался правами и притязаниями множества местных судебных и административных учреждений, обладавших большей или меньшей степенью независимости от центральной власти. К таковым принадлежали, прежде всего, парламенты и сохранившиеся в ряде областей местные представительные органы — провинциальные штаты. Кроме того, большинство городов и коммун имели выборные органы самоуправления, и хотя формально интенданты как представители центральной власти должны были осуществлять надзор и контроль за их деятельностью, в действительности такой контроль из-за постоянного сопротивления местных элит и институтов нередко оказывался чисто номинальным. То есть реальный объем власти того или иного интенданта во многом определялся той, по выражению П.Н. Ардашева, "административно-правовой средой", в которой этому интенданту приходилось действовать¹⁶¹. Но, как

¹⁵⁹ Там же. С. 53.

¹⁶⁰ Там же. С. 75—76.

¹⁶¹ Подробно см.: Ардашев П.Н. Указ. соч. Гл. 7—8.

бы то ни было, никогда ни один интендант не обладал, вопреки утверждениям оппозиционной публицистики времен Фронды, а вслед за ней и упоминавшихся нами историков, столь же широкими, то есть фактически неограниченными в отношении местных дел полномочиями, как персидские сатрапы или турецкие паши.

* * *

Таким образом, как показывают результаты специальных исторических исследований о французской монархии Старого порядка, ни в одном из рассмотренных нами аспектов она не имела ни малейшего сходства с тем квазитоталитарным государством, образ которого на протяжении ста с лишним лет создавался отечественной историографией Французской революции. В чем же причины подобной долговечности этого историографического фантома? Думаю, отнюдь не в том, что историки Революции были не достаточно осведомлены относительно результатов исследований своих коллег из соседней профессиональной "галактики". По крайней мере, такие представители "русской школы", как Н.И. Кареев и Е.В. Тарле, если судить по научному аппарату их работ, хорошо знали современную им литературу о Старом порядке. Например, неоднократно цитировавшуюся мною выше монографию П.Н. Ардашева Н.И. Кареев анализировал самым детальным образом и ценил очень высоко¹⁶².

Видимо, истоки мифа о "королевском самодержавии" надо искать не столько в научной плоскости, сколько в идеологической. Причем, восходят они к временам самой Французской революции. Ее идеологи уже в 1789 г. требовали передачи народу "суверенитета", то есть "абсолютной и неделимой" власти, как если бы она принадлежала монархии не только в теории, но и в реальности. Вот что пишет об этом французский историк Ф. Фюре: "Хотя старая административная монархия никогда не была абсолютной в современном значении этого слова (тем более монархия конца XVIII в.), все здесь происходит так, будто созданные ею представления о своей власти стали частью национального сознания. Став нацией и слившись в едином волеизъявлении, французы, сами того не сознавая, вернулись к мифическому образу абсолютизма, поскольку именно он определяет и представляет социальную совокупность. Медленное движение гражданского общества к власти происходит во имя этого самодержавия..."¹⁶³

¹⁶² См.: Кареев Н.И. Работы русских ученых по истории французской революции // Известия Санкт-Петербургского Политехнического Института. СПб., 1904. Т. 1. С. 76–80; Он же. Историки Французской революции. Т. 3. Изучение Французской революции вне Франции. Л., 1924. С. 203–209.

¹⁶³ Фюре Ф. Постигание Французской революции. СПб., 1998. С. 44.

Или иными словами, как отмечает другой французский историк Ж. Ревель, сама Революция собственно и создала "абстрактное понятие абсолютизма". После того, как реальная абсолютная монархия пала, ее мифологизированный образ стал частью коллективного воображаемого, где выступал антиподом нового порядка, установленного Революцией. "Она [монархия] продолжала существовать в политическом и моральном воображаемом как некий механизм, устройство и значение коего больше не понималось, но отдельные элементы которого представлялись однозначно порочными. Привилегии, беззаконие, произвол, Бастилия и *letters de cachet*, злоупотребления, аморальность, грабеж и разорение Нации — все это было проявлением сути пагубной политики"¹⁶⁴.

Представления о неограниченной власти свергнутого короля стали общим местом революционной публицистики, наделявшей французскую монархию практически теми же чертами, какими ее идеологи наделяли деспотизм. В дальнейшем образ абсолютной монархии как государства, основанного исключительно на произволе, перешел практически без изменений из публицистики эпохи Революции в либеральную историографию — в сочинения Б. Констана и А.Л.Ж. де Сталь, А. Тьера и О. Минье, Ж. Мишле и Л. Блана¹⁶⁵. А ведь именно их труды и оказали, по признанию Н.И. Кареева, решающее влияние на восприятие Французской революции в России людьми его поколения, то есть теми, с кого собственно и началось профессиональное изучение этой революции в нашей стране¹⁶⁶.

Более того, российская почва оказалась особенно благоприятной для того, чтобы миф о "королевском самодержавии" не только прижился на ней, но расцвел пышным цветом. Считая Французскую революцию провозвестием того, что должно произойти в России, русская интеллигенция второй половины XIX — начала XX в. охотно приписывала французской монархии Старого порядка те черты самодержавия, с которыми была хорошо знакома по своему повседневному опыту. Отечественные историки Французской революции не стали исключением и, ведя в своих работах речь о Старом порядке, тоже отдавали должное этой мифологеме. В советское же время, когда прямые, а еще чаще имплицитные, аналогии между Французской и Октябрьской революциями стали неотъемлемым элементом исторической литературы по данной теме¹⁶⁷, представления о том,

¹⁶⁴ Revel J. *Monarchie absolue* // Dictionnaire critique de la Révolution française. Idées. P., 1992. P. 293 — 294.

¹⁶⁵ "От Констана до Гизо и Мишле, разумеется, с различными вариациями, утверждалось как само собой разумеющееся, что абсолютизм не заслуживает оправдания, поскольку основан на произволе и отсутствии принципов..." — Ibid. P. 294.

¹⁶⁶ Кареев Н.И. *Прожитое и пережитое*. Л., 1990. С. 289.

¹⁶⁷ Подробнее см., например: Кондратьева Т. *Большевики-якобинцы и призрак термидора*. М., 1993.

что Франция, как и Россия, имела в своей истории период самодержавного правления, приобрели характер аксиомы. И даже в постсоветский период этот историографический миф, как мы видели, все еще в силу набранной инерции продолжает в той или иной степени свое существование.

История мифа о "королевском самодержавии" может рассматриваться как весьма показательный и достойный хрестоматии пример деформирующего влияния идеологии на научные исследования. Что бы ни происходило за последнее столетие в историографии Старого порядка, какие бы открытия ни делались специалистами в данной области, все равно либеральные, а затем советские историки Французской революции, по необходимости посещая эту, соседнюю с ними научную "галактику", в большинстве своем видели там только то, что позволяли им увидеть узкие иллюминаторы идеологических стереотипов.